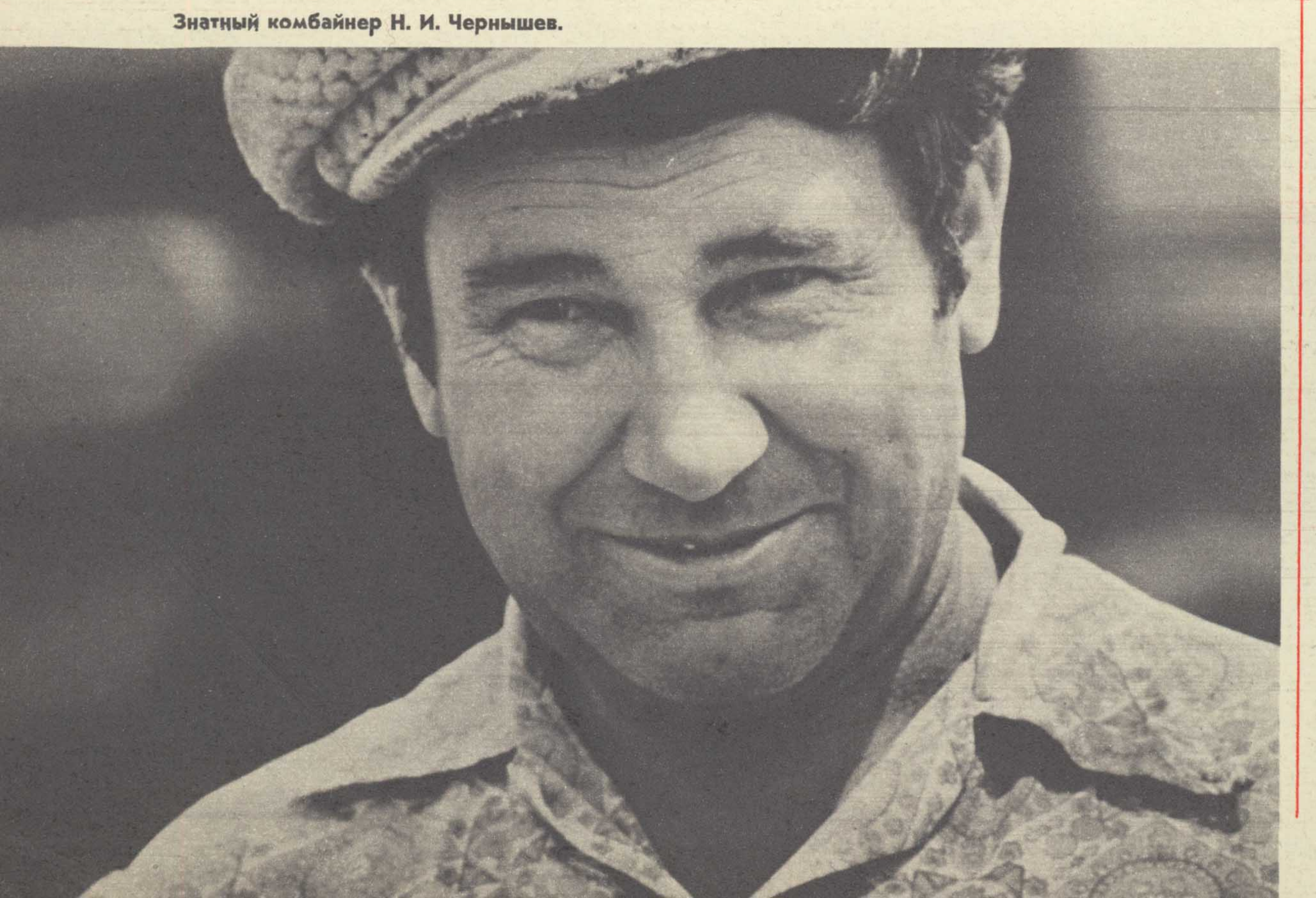

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 29 ИЮЛЬ 1976

Пошел хлеб!

Знатный комбайнер Н. И. Чернышев.

Хорош колос!

ЖАТВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 29 (2558)

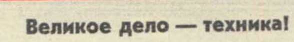
17 ИЮЛЯ 1976

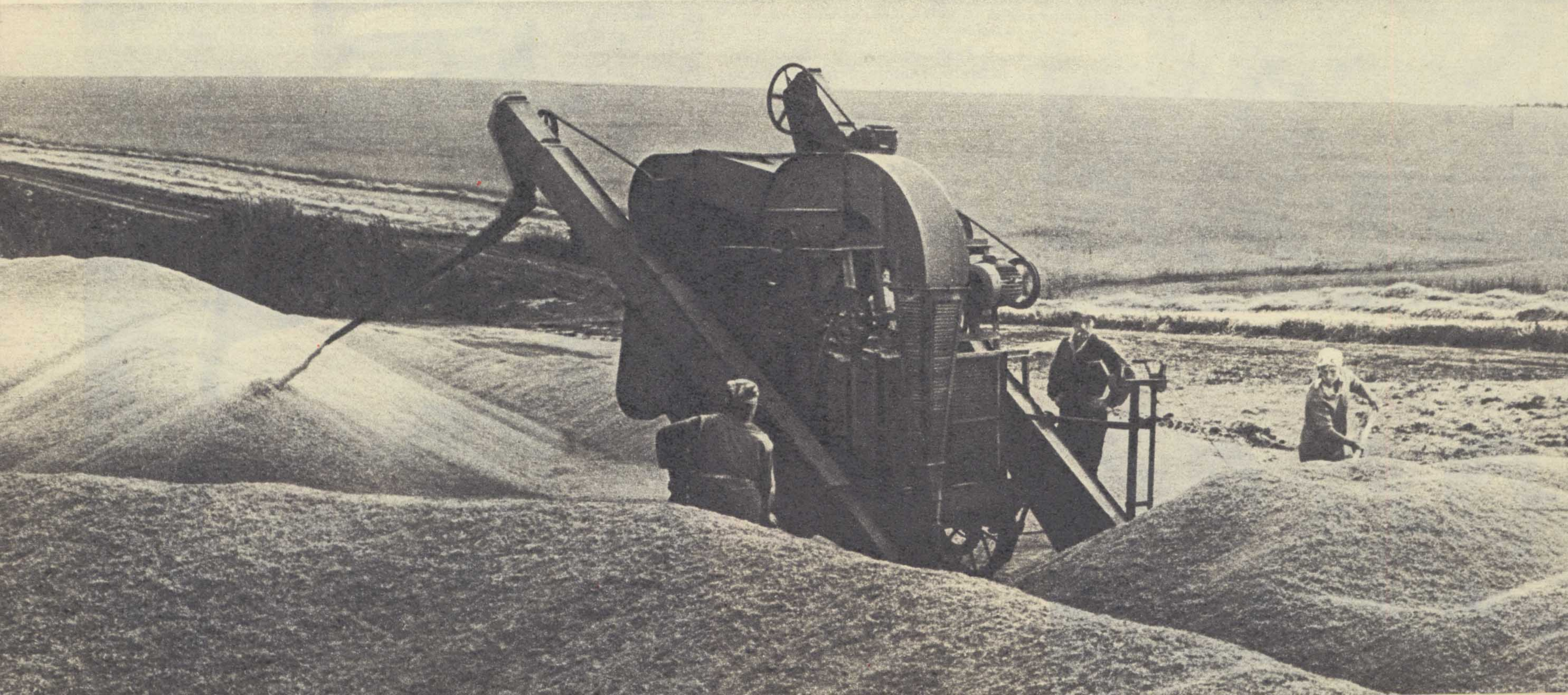
Марат ЦЕБОЕВ, фото А. БОЧИНИНА, специальные корреспонденты «Огонька»

Кубанская земля... Жатва... Самый ответственный момент года. Уборка идет днем и ночью. Хлеборобы колхоза имени Ильича, Ленинградского района, дали слово убрать пшеницу за семь — девять дней и продать стране 9 тысяч тонн хлеба. Сделать это вовремя и без потерь. Задача нелегкая.

Мы приехали на поле в тот день, когда Владимир Панчук, самый молодой комбайнер, по-

Великое дело — техника!

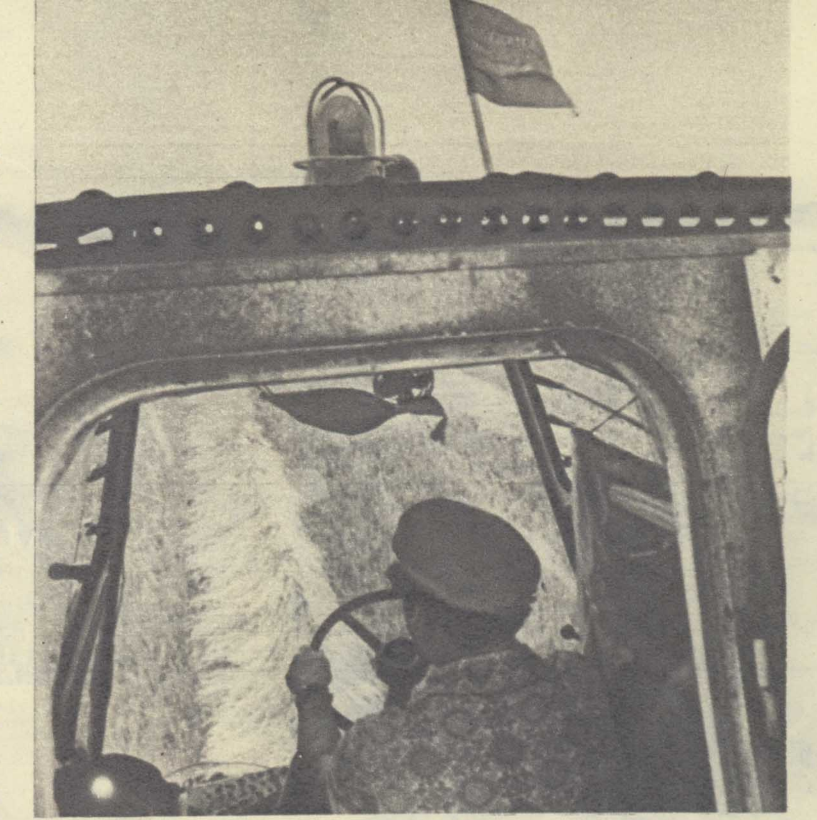
лучил сразу два почетных вымпела — от правления колхоза и комитета комсомола. На комбайне «Нива» он за смену намолотил более 250 центнеров. Восемнадцать лет парню, но от старших товарищей не отстает. Это уже опытные комбайнеры коммунисты Николай Чернышев, Виктор Герасименко, Виктор Пасевин и многие другие. Хоть и заняты сейчас все в колхозе по горло, но все же сумели поздравить победителя его друзья, мать Екатерина Николаевна, сортирующая зерно на току, и младшая сестра Аня. Она контролирует качество уборки: каждое зернышко на учете! На квадратном метре поля потери могут составлять не более 64 зерен. Если больше — надо регулировать комбайн. Пятилетка качества, она ведь и у земледельцев.

Одним из передовых в Краснодарском крае колхоз имени Ильича стал не сразу.

— До 1968 года,— рассказывает нам секретарь Ленинградского райкома партии Дмитрий Денисович Матрошилов,— этот колхоз замыкал таблицу показателей чаще других. Считалось, что рельеф плох — бугры, балки. Теперь на рельеф не сетуют. Перемены эти произошли при прямом участии нового председателя колхоза Владимира Николаевича Мацко, агронома по образованию, бывшего комбайнера и тракториста, первоклассного организатора. Начинал он с того, что вместе с партийной организацией взялся за подготовку кадров. Обратились к молодежи, доверили им ответственные участки работы, но с условием, что будут учиться. И они учились, познавали секреты агротехники. Около двадцати из них направили в сельскохозяйственный институт. Прошло восемь лет. Теперь всем производством в колхозе имени Ильича управляют люди с высшим образованием, квалифицированные специалисты, свои, местные. Призвали на помощь науку и технику. Неудобная в прошлом земля стала давать замечательные урожаи. Нынешним летом колхозники собирают на круг по сорока центнеров с гектара — урожай для северных районов Краснодарского края отменный. Да и сорта пшеницы перспективные, сильные.

В 1969 году в районе было пять специалистов с высшим образованием и четырнадцать со средним,— продолжал Дмитрий Денисович.— А теперь сто шестьдесят четыре человека с высшим и средним образованием, а с сентября еще сорок колхозных стипендиатов начнут заниматься в различных вузах. Это наши будущие агрономы, медики, инженеры-механики, строители, электрики, биологи, пищевики, работники культуры...

...Жарко палит солнце. На еще несжатой полосе под легким ветерком шелестят, словно шепчутся, колосья пшеницы. Шумят моторы комбайнов, подбирающих валки. Течет в кузова машин широкой струей обмолоченное зерно. Идет битва за хлеб.

В Москве, в Большом Кремлевском дворце, 8—9 июля работала третья сессия Верховного Совета РСФСР девятого созыва.

Бурными, продолжительными аплодисментами, стоя, встретили депутаты и гости товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. Ф. Устинова, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, И. В. Капитонова, М. В. Зимянина, К. У. Черненко.

Депутаты обсудили доклад первого заместителя Председателя Совета Министров РСФСР В. И. Воротникова о задачах советских и хозяйственных органов Российской Федерации по увеличению производства и улучшению качества товаров народного потребления в республике в свете решений XXV съезда КПСС. По докладу единогласно было принято постановление.

Сессия приняла Закон об утверждении Кодекса РСФСР о недрах.

Верховный Совет утвердил Указы Президиума Верховного Совета республики, принятые между второй и третьей сессиями, и принял соответствующие Законы и Постановления.

Фото А. Гостева

ДЛЯ БЛАГА НАРОДА

В ДРУЖЕСТВЕННОЙ ОБСТАНОВКЕ

12 июля член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин принял эфиопскую государственную делегацию во главе с председателем комитета Временного военного административного совета Социалистической Эфиопии Могесом Вольде Микаэлем.

А. Н. Косыгин и Могес Вольде Микаэль обменялись мнениями по вопросу о дальнейшем развитии советско-эфиопских отношений в различных областях, а также по ряду актуальных международных проблем, представляющих взаимный интерес.

Было подчеркнуто важное значение борьбы за ликвидацию остатков колониализма, за дело демократии и социального прогресса и высказано намерение предпринять новые усилия в интересах достижения этих целей.

Беседа проходила в теплой, дружественной обстановке.

Во время беседы.

Фото А. Гостева.

КУРСОМ ИНТЕГРАЦИИ

Итоги пятилетней работы по претворению в жизнь Комплексной программы социалистической экономической интеграции — убедительное свидетельство силы и огромных возможностей социалистического строя. Это еще раз подтвердила XXX сессия Совета Экономической Взаимопомощи, которая проходила с 7 по 9 июля в столице ГДР.

В духе дружбы, товарищеского сотрудничества и полного единства взглядов участники сессии обсудили вопросы, связанные с дальнейшим выполнением Комплексной программы. Они наметили конкретные пути сотрудничества на основе разработки долгосрочных целевых программ.

ЦК СЕПГ, Государственный совет ГДР и Совет Министров ГДР устроили прием в честь участников XXX сессии Совета Экономической Взаимопомощи. Выступивший на приеме Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин отметил, что социалистические страны едины в понимании стоящих перед ними больших задач и путей их решения. Наше единство — это великая сила, которая помогает нам идти вперед по пути прогресса вот уже более четверти века.

На снимке: во время открытия сессии.

Телефото спец. корр. ТАСС В. Соболева.

8 июля был проведен первый телерепортаж с борта пилотируемой научной станции «Салют-5». **На снимке:** космонавты Б. В. Волынов (справа) и В. М. Жолобов во время телерепортажа.

Фотохроника ТАСС.

Снимок сделан с экрана телевизора.

В «КОСМИЧЕСКОМ ДОМЕ»

На орбитальную станцию «Салют-5» пришли хозяева. В космосе началась большая, напряженная работа. Каждый день от космонавтов Б. Волынова и В. Жолобова поступают новые сообщения.

Мы попросили **доктора технических наук, профессора Анатолия Викторовича БРЫКОВА** прокомментировать несколько строчек сообщений ТАСС о работе орбитальной станции «Салют-5».

— В Сообщении ТАСС сказано, что 7 июля 1976 года в 16 часов 40 минут московского времени произошла стыковка космического корабля «Союз-24» и станции «Салют-5». Как это было?

— Орбитальная станция «Салют-5» работала в автоматическом режиме уже две недели. За это время она не просто летала, а, можно сказать, готовилась к встрече своих хозяев. Конечно, с помощью Земли, по командам из Центра управления полетом.

Несколько раз станция меняла орбиту, переходя на самую «благоприятную дорогу» для будущей совместной работы с кораблем «Союз-21».

Необходимая орбита была на высоте около 280 километров — близкая к круговой. Правда, выводить космический аппарат на такую сравнительно высокую орбиту прямо с Земли невыгодно: требуется много энергии.

Все рассчитали так, чтобы к моменту старта корабля «Союз-21» станция прошла приблизительно под космодромом. Поэтому когда корабль вышел в район полета станции «Салют-5», то оба космических аппарата оказались в одной плоскости, но на различных орбитах. Чтобы перевести корабль на ту же орбиту, по которой движется станция, провели три коррекции. Космические баллистики, как обычно, рассчитали все маневры и станции и корабля.

Вы, журналисты, обычно о баллистиках не пишете. А ведь именно от их оперативности, ювелирной точности проведения расчетов и своевременной передачи команд на борт зависит успех космических полетов. Это и предопределило точность сближения космических аппаратов. Иначе и не могло быть: за годы космической эры баллистики приобрели огромный опыт.

Последний, заключительный этап сближения и причаливания космических аппаратов произведен в основном без помощи Земли. Управление, всю работу на корабле взял на себя экипаж. В полдень по московскому времени «Союз-21» вышел в окрестности станции. Космонавты сообщили, что видят в иллюминаторы приближающийся «свой дом», как они назвали станцию.

Ручная стыковка в космосе прошла на самом высоком уровне. Командир корабля Борис Волынов — опытный, квалифицированный космонавт. Он проводит вторую стыковку в космосе. Космический опыт — большая ценность, ее никак нельзя приуменьшить. Виталий Жолобов впервые участвует в полете, но он хороший инженер, долго готовился к космическому эксперименту и при стыковке во всем оказывал помощь командиру. Сразу почувствовалось — слаженный, умелый экипаж. Ведь стыковка — это весьма непростая операция.

— В Сообщении ТАСС говорится, что космонавты перешли на станцию. Расскажите, пожалуйста, как проходила эта операция.

— Первые сутки полета космонавтов были особенно напряженными. Одно следовало за другим — старт, выход на орбиту, встреча с невесомостью, проверка оборудования и аппаратуры корабля, потом стыковка и, наконец, «обживание» станции. Такая плотность, объемность работы требовали от экипажа особой закалки, выносливости, умения.

После стыковки Волынов и Жолобов внимательно проверили герметичность соединения и работоспособность ряда бортовых систем, освободили проход, убрав люки со стыковочными узлами внутрь отсеков. Только после этого они перешли в «небесную лабораторию». Как хозяева, вошедшие в свою квартиру, зажгли свет, огляделись. Во время тренировок на Земле они точно так же и «обживали» станцию, но теперь встретились с ней в других, сложных условиях. Только в полночь экипаж приготовился ко сну.

— Какую работу выполнит экипаж на борту станции?

— Дел у космонавтов много. Вначале надо расконсервировать станцию; включить, опробовать на различных режимах многочисленные системы, узлы, приборы. Другая работа в эти дни — проведение медико-биологических экспериментов. Ведь космонавты пришли к новому режиму труда и отдыха, к новым условиям жизнедеятельности. Эти условия ограничены замкнутым пространством, жизнью и работой в невесомости. Сейчас очень важно зафиксировать, проанализировать, нет ли в организме космонавтов каких-либо изменений.

Дальнейшие эксперименты, которые предстоит провести Б. Волынову и В. Жолобову на борту «Салюта-5», чрезвычайно разнообразны. Это исследование геолого-морфологических объектов земной поверхности, атмосферных явлений и образований с целью получения данных в интересах народного хозяйства; исследование физических процессов и явлений в космическом пространстве; проведение технологических экспериментов в условиях невесомости, медико-биологические исследования; и, конечно, испытание бортовых систем и аппаратуры самой станции.

Работа на орбите началась и успешно продолжается.

ПОД ЗНАМЕНЕМ МИРА

Владимир НИКОЛАЕВ

Берлин... Здесь вынашивались планы двух войн, которые превратились в мировые. Здесь поднял свою страшную голову фашизм, который поставил под угрозу судьбу всего человечества.

И именно из Берлина прозвучал на всю нашу планету голос посланцев коммунистических и рабочих партий Европы, призвавших народы к усилению борьбы за мир и социальный прогресс.

Уже в одном этом сопоставлении ярко отражен тот поступательный исторический процесс, который с гениальной прозорливостью предсказали основоположники марксизма-ленинизма и который ныне продолжает успешно осуществляться наследниками их дел — членами коммунистических и рабочих партий.

То, что произошло в Берлине 29—30 июня, стало событием огромного значения и вошло знаменательной вехой в историю международного коммунистического движения. Эта самая широкая и представительная встреча братских партий Европы — в ней приняли участие делегации двадцати девяти коммунистических и рабочих партий — ознаменовалась полным успехом. Об этом говорит весь ход конференции и ее итоговый документ — «За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе». Уже в самом названии документа отражены те актуальнейшие проблемы, которые стояли в центре внимания конференции. Обсуждение их в Берлине посланцами европейских коммунистических и рабочих партий показало, что все они участники единой борьбы, движущиеся в одном направлении, объединенные общей конечной целью.

С треском провалились расчеты международной реакции на «кризис» и «раскол» в коммунистическом движении. Даже такая газета, как «Нью-Йорк таймс», была вынуждена не без раздражения признать, что конференция «явилась триумфом для коммунистов».

Центральным событием конференции стала речь главы делегации КПСС Л. И. Брежнева. Даже тот небольшой отрезок времени, который прошел после завершения берлинского форума, показал, что сила воздействия речи Л. И. Брежнева на европейское и мировое общественное мнение нарастает и будет нарастать. В ней открываются новые горизонты борьбы за мир, за необратимость процесса разрядки международной напряженности.

«Разминировать пороховой, а точнее, атомный погреб, в который превращена сегодня Европа, не просто,— сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС.— Но важно положить начало реальному движению в этом направлении. В нынешних условиях ценны любые конкретные меры, направленные на сохранение и умножение начатков доверия, складывающихся в отношениях между государствами Востока и Запада». В связи с этим Л. И. Брежнев подтвердил неоднократно высказывавшееся предложение социалистических стран об одновременном роспуске организаций Североатлантического и Варшавского Договоров или в качестве предварительного шага — ликвидации их военных организаций. Глава делегации КПСС в своем выступлении на Берлинской конференции напомнил, что также остаются в силе и другие советские предложения, большинство из которых вошло в одобренную XXV съездом КПСС «Программу дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов».

Представители европейских коммунистических и рабочих партий единодушно сформулировали свою первую задачу таким образом: «За углубление процесса разрядки путем осуществления эффективных мер по разоружению и упрочению безопасности в Европе». Они призвали добиваться строгого соблюдения и полного претворения в жизнь принципов и договоренностей, содержащихся в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В политическом климате Европы многое изменилось в лучшую сторону. И нет сомнения в том, что нынешняя встреча в Берлине станет новым вкладом в укрепление безопасности на европейском континенте и во всем мире.

В документе конференции отмечается, что «на пути к надежной безопасности и сотрудничеству еще сохраняются серьезные преграды». На европейском континенте все еще сконцентрированы крупнейшие вооруженные силы, обладающие самыми опасными разрушительными мощностями. Продолжается гонка вооружений, накапливаются запасы оружия, в том числе средства массового уничтожения. Сохраняются иностранные военные базы и иностранные вооруженные силы на территории других государств. Продолжается империалистический нажим и вмешательство во внутренние дела суверенных государств. Враги разрядки отчаянно противятся тому, чтобы процесс ее принял необратимый характер, чтобы за разрядкой политической последовала и военная. В этих условиях сам факт созыва конференции в Берлине, намеченные ею задачи и борьба за их выполнение приобретают особенно важное значение.

Рассмотрев отчет делегации КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым о работе Конференции коммунистических и рабочих партий Европы, Политбюро ЦК КПСС целиком и полностью одобрило деятельность делегации и отметило, что проведение и итоги конференции явились важным вкладом в дело борьбы за Европу мира, безопасности, сотрудничества и социального прогресса.

В октябре 1917 года коммунисты нашей страны высоко подняли знамя мира над землей. Оно в надежных руках. Под этим знаменем мир победит войну!

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

22 июля — праздник возрождения Польши. В этот день тридцать два года назад началось освобождение страны от фашизма. Среди советских солдат-освободителей была женщина, которую сегодня в Польше называют «русской мамой».

Есть такой орден в Польше — орден Материнского Сердца. В числе тех, кто представлен к этой награде,— ленинградка Галина Афанасьевна Снеговая.

...Дверь мне открыла высокая, статная женщина. Молодое красивое лицо. Брови вразлет. Спокойные карие глаза. Если б мне предложили угадать ее профессию, я бы сказала: «Актриса... или архитектор».

— Вы почти не ошиблись. И к тому и к другому причастна,— улыбается Галина Афанасьевна.— Работала в проектном институте, в самодеятельном театре много играла.

Перед войной она готовилась в архитектурный. В субботу, 21 июня, у них в школе был выпускной вечер, а на следующий день, в воскресенье, большой компанией поехали за город, в Кавголово. Играли в волейбол на лесной поляне. Мяч залетел на дерево, и доставать его пришлось Галине, самой молоденькой — неделю назад ей исполнилось семнадцать.

— Только я на дерево взобралась, гляжу, веселье как-то разом прекратилось, все сбились в кучу, кричат мне: «Галка, слезай скорее, война началась!»

Война! Для тех, кто пережил ее, она навсегда останется гранью двух жизней — до войны и после войны. И то, что было между этими «до» и «после», никогда не уйдет из памяти.

...Ночь выдалась морозная, вьюжная. В избу, где устроились на ночлег советские солдаты, с улицы наносило снег,— не было ни одного целого окна. Шел январь 45-го. Накануне из этого польского села выбили гитлеровцев. По ободранным, разоренным хатам гулял ветер. Он задувал в рукава, леденил пальцы Галины. Девушка пристроилась со своим полевым телефоном в кухне какой-то избы и, накручивая ручку аппарата, повторяла простуженным голосом: «Я — Ромашка, я — Ромашка! Отвечайте!»

Сквозняк взметнул с пола солому. Галина подняла голову. На пороге стоял капитан, командир дивизиона.

— Сержант Урядышева! Срочное задание... Роды принимать будешь. Там,— капитан кивнул на бревенчатую стену, отделявшую кухню от горницы,— женщина рожает. Помочь, кроме тебя, некому. Метель, в санчасть не доберешься, а ты все-таки сандружинницей была. Выполняйте, сержант!

В горнице на полу лежала женщина. Галя подошла, опустилась на колени, отвела прядку волос с искаженного болью лица и заплакала, оттого что не знала, как помочь.

— Вдруг женщина вскрикнула, разом напряглась, и в руках у меня оказался красный горячий комочек. Девочка! Такая толстенькая, славная. Что делать с ней, не знаю,— вспоминает Галина Афанасьевна.— Знаю только, надо пуповину перерезать. А чем? В

Геня и ее родители получили письмо: «Нашлась русская мама!» Снимок сделан в 1964 году.

РУССКАЯ МАМА

Н. КРЫЛОВА

«Крестная приехала!» Геня, ее муж и дети с Галиной Афанасьевной Снеговой.

избе ни ножа, ни ножниц. Так я зубами... Потом выдернула из полотенца нитку, перевязала пуповину. Закутала ребенка в полу шинели. Под периной — в избе-то ведь мороз, как на улице,— обмыла малышку. А завернуть не во что. Я к нашим солдатам: выручайте, ребята! Они так обрадовались, что родилась девочка: «Значит, война скоро кончится, верная примета!» У кого нашлись в вещмешке новые портянки, кто рубашку с себя снял. Запеленала я новорожденную, положила к матери — ее уже перенесли на единственную уцелевшую кровать. Как назвали девочку, так и не узнала: наша часть двинулась дальше.

Она запомнила только название польского села — Шилко да имя отца своей «крестницы» — пан Владислав. На прощание мать девочки крепко обняла Галину, перекрестила и повесила ей на шею ладанку.

— Ты, пани, хоть в бога и не веришь, но не снимай ее! Хочу, чтоб ты обязательно дожила до победы...

Победа... Она сражалась за нее с первых дней войны.

Шли первые дни войны. Секретарь комитета комсомола Галина Урядышева явилась в райком проситься на фронт. Ее не взяли, сказали: подрасти еще. И в народное ополчение не хотели брать: совсем девчонка. В слезах пошла к комиссару, добилась — зачислили в батальон трудармейцев. Рыли противотанковые рвы, строили доты. Под Мгой, под Лугой. Бомбежки, обстрелы. Тяжкий путь отступления до самой Невы. Здесь, на Невском пятачке, в ноябре 1941 года ее ранило. Больше месяца без сознания. Родным сообщили, что Галя погибла. А когда вышла из госпиталя, никого из близких уже не было в живых: мать и отчим умерли в блокаду прямо в цехе оборонного завода. Младшие их дети погибли во время переправы через Ладогу, старшие не вернулись с фронта...

Она поступила на завод, научилась делать мины. Была зима сорок второго. Страшная блокадная зима. Отстояв смену за станком, Галя с другими комсомольцами ходила по домам, разносила железные печки-буржуйки, которые они делали на заводе после смены, помогала обессилевшим от голода и холода людям.

Когда узнала, что в армию стали брать и девушек, пошла в военкомат. Объяснила, что воевала на Невском пятачке. Спросили год рождения. Сказала — с двадцать второго. Записали. Подала паспорт, а там стояло: 1924-й. «Ладно уж, иди!» Попала на Карельский перешеек. Была связисткой, санитаркой. Шел июнь 1944-го. Галина выносила из боя раненого командира. И тут ее тоже ранило. Она потеряла сознание. Очнулась на каких-то досках. Над ней склонились люди. По разговору поняла: не наши. Ее отправили в санчасть, где наложили гипс, потом отнесли в сарай.

— А у меня в поясе брюк был зашит комсомольский билет. Коекак я засунула его в гипс. Когда поесть дали, нарочно пролила похлебку на повязку, чтоб не заметили, как я ее разворошила. Через несколько дней понесли меня куда-то на носилках. А навстречу группа наших пленных. Как-то невольно у одного из них вырвалось: «Да это же девушка из артразведки нашего полка!»

После этого ее передали в руки гестаповцев. На допросе она назвала себя. Сказала, что комсомолка, из Ленинграда и что больше говорить ничего не будет. Били. Снова допрашивали, снова били. Но в протоколе допроса так и осталась заполненной только первая графа — имя, фамилия. Во всех других прочерк — молчит.

Как ее освободили из лагеря, Галина Афанасьевна не помнит: от побоев была без сознания. Очнулась уже в нашем госпитале, в Выборге. Подлечилась и снова на фронт, в свою часть. Кончался 1944 год, дивизию перебрасывали в Польшу. Галина прошла ее от восточной границы до западной. Потом Германия. За Одером — третье ранение.

И вот, наконец, настало то самое «после войны». Потекла мирная жизнь. Галина Афанасьевна вернулась в свой проектный институт. Вышла замуж. Теперь ее фамилия — Снеговая. Появился сын Славик.

Однажды в обеденный перерыв кто-то рассказал о заметке в газете: много лет спустя после войны болгарский юноша разыскал своего «крестного» — советского врача, который помог ему появиться на свет.

Галина Афанасьевна слушала, слушала и говорит:

— Этому крестному что — он же врач! А каково мне было!

Сослуживцы накинулись с вопросами, и она рассказала о ночи со второго на третьего января 1945 года.

— А что, если попытаться разыскать вашу польскую крестницу?

Снеговая написала открытку в общество дружбы. Прошло сколько-то месяцев. Вдруг телефонный звонок на работу: ее разыскивало Варшавское телевидение.

— Нашли мы вашу польскую дочку,— сказал режиссер, который приехал в Ленинград снимать «русскую маму».— Ну и задали вы нам работы, пани Галина!

В открытке она назвала село — Шилко. Сколько ни искали во всем Жешовском воеводстве, не могли найти — нет такого! Случилось, что открытку прочли на собрании пожарных воеводства. И кто-то из присутствовавших воскликнул: «Так это же пана Владислава дочка, из села Высоко-Глогувское! А Шилко — его фамилия».

И вот настал час встречи. Май 1964 года. Польша готовилась отмечать двадцатую годовщину освобождения от фашизма. Среди гостей, которых пригласили на праздник, была и она, «русская мама».

— Подъезжаем к селу, я сразу узнала костел. Только во время войны у него купол был разрушен. Гляжу, бежит мне навстречу худенькая женщина, босиком, в повязанном по-крестьянски платочке. Обнялись мы, стоим, друг у друга слезы вытираем. Тут прибежала и моя крестница, Геня — Евгения, значит.

У дома Шилко собралась вся деревня. К гостье подошел какой-то мужчина.

— Узнаете меня, пани? — Она покачала головой.— Ну как же, вы меня кашей кормили, неужели не помните? — И она вспомнила. Голодно было тогда в деревне. Особенно жалко ребятишек. Не выдержала Галина, взяла ведро, пошла к повару: «Давай детей накормим!» И раздавала солдатскую кашу деревенским девчонкам и мальчишкам.

— А это узнаете? — Стоявший рядом с Геней молодой человек протянул ей военную ушанку.— Ваша!

— Так значит вы... ты — Стась?

Ну, конечно! Галина Афанасьевна узнала брата Гени. Тогда ему было лет десять, не больше, и приглянулась Стасю ее солдатская шапка со звездой. Только русская пани ее снимет, чтоб надеть наушники полевого телефона, глядь, мальчишка уже красуется в ушанке. Так и оставила ему на память. И вот, оказывается, сберег.

В сельском клубе накрывали столы, но Шилко решительно заявили: «Никуда из дома нашу Галину не отпустим!» Пришлось и столы и всю снедь перетаскивать на усадьбу Шилко. Прямо под цветущей грушей накрыли. Галину Афанасьевну посадили на почетное место, а потом вместе с креслом подняли и давай качать под дружные здравицы всей деревни: «Сто лят! Сто лят!».

Геня ни на шаг не отходила от своей русской мамы. И спать ее уложила в своей комнате.

— Чуть не до самого утра мне песни пела — и польские и наши,— улыбается Галина Афанасьевна.— А потом телевидение нас снимало. Даже вертолет для съемок прилетел. Такого переполоху наделал, не могу без смеха вспомнить: кур ветром чуть со двора не унесло!

Кончилась съемка, а режиссер и говорит: «Проголодались мы очень, пани Галина. Мне неудобно, а вы тут свой человек, попросите у своих чего-нибудь перекусить». Так и сказал: «У своих...»

...В Ленинград часто приходят поезда дружбы из Варшавы. Их пассажиров встречает Г. А. Снеговая — член правления Ленинградского отделения Общества советско-польской дружбы. У Галины Афанасьевны много знакомых в Польше. Она приезжала сюда в 1969 году и в тридцатую годовщину освобождения была в числе почетных гостей, приглашенных правительством республики.

Когда польский консул в Ленинграде вручал Снеговой медаль «За победу и свободу», он говорил о советских воинах, которые принесли свободу его стране. Солдатом этой великой армии была и она, ленинградка Галина Снеговая.

НА ПРАВОМ ФЛАНГЕ

Станислав ТОКАРЕВ
Фото А. БОЧИНИНА

Перед вами на цветной вкладке снимки, сделанные во время соревнований на Кубок СССР по гимнастике. Это был последний перед Олимпиадой отборочный турнир, и для гимнасток он решал самый, наверное, важный вопрос, суждено ли им попасть в сборную, суждено ли поехать в Монреаль. Желающих было много, вакантных мест только шесть (седьмое — для запасной).

Среди олимпийских медалей по гимнастике главные — за абсолютное личное первенство и за первенство в командном зачете. Шесть Олимпиад позади у наших гимнасток. В 1952 году в личном зачете первенствовала Лидия Гороховская, в 1956 и 1960 годах — Лариса Латынина, в 1972 году — Людмила Турищева. Дважды эту медаль наши спортсменки уступили. Но вот командой они не проигрывали никогда — найти шестерых, равных им по силам, не удавалось никому в мире.

Продолжить победную традицию — задача команды образца 1976 года.

Впрочем, в тот момент, когда писались эти строки, команды как таковой еще не было. Были лишь кандидаты в сборную команду страны.

О них — наш рассказ.

Если взглянуть на нынешний правый фланг женской гимнастики с точки зрения чисто возрастной, то возникнет живая картина ее истории на протяжении по крайней мере двух олимпийских четырехлетий. Даже больше чем двух — всех шести, пожалуй. Потому что, когда в 1952 году родились Людмила Турищева и Эльвира Саади, их предшественницы впервые выступали на Олимпиаде и впервые победили.

Турищева и Саади вышли на взрослый помост накануне мексиканской Олимпиады — в 1967 году. Это был год, когда победоносное «поколение Латыниной» передало эстафету «поколению Кучинской», и оно ярко и быстро выразило себя в песне короткой, но звонкой. Восьмиклассница Турищева была вместе с Любой Бурдой в той олимпийской шестерке младшенькой. Кто мог угадать, что эти банты в горошек принадлежат будущему лидеру мировой гимнастики?

К своей третьей Олимпиаде Турищева пришла сильным и мудрым бойцом, владеющим двумя главными секретами гимнастики, первый из которых — умение в нужный миг возбуждать все силы тела и души, второй же — способность взнуздывать это возбуждение и абсолютно повелевать им, не тратя даром ни крупицы.

Путь Саади к спортивной известности был гораздо труднее. Ее артистическое дарование всегда и всеми признавалось, и серия блистательных этюдов в вольных — «Шурале», «Полишинель», «Сегидилья», «Половецкие пляски»— входит, без сомнения, в историю советской и мировой гимнастики. Но Саади как мастер многоборья долго вызывала сомнения: многие из ее ровесниц, отчаявшись добиться успеха, покинули помост за то время, что она шла по пути совершенствования. Только четыре года назад, перед Олимпиадой в Мюнхене, вдруг обнаружилось, что эта пылкая, столь, кажется, подверженная малейшим нюансам настроений девушка может, если надо, быть собранной, злой, невероятно упрямой и что заложенная в ней гибкая пружина закалена на совесть.

Когда в 1956 году в Мельбурне абсолютной олимпийской чемпионкой стала Лариса Латынина, девочке из Гродно Ольге Корбут исполнился год. Корбут появилась в команде в 1970-м: Турищева выиграла чемпионат мира, а она была запасной. Многими из своих выдающихся трюков, давших могучий толчок тренерской мысли мира, она владела и тогда, но слава осенила ее лишь в Мюнхене, и с тех пор, ни одним из главных спортивных титулов не увенчанная, она живет в умах миллионов любителей гимнастики живой легендой современного спорта.

Задумав создать для нее вольную комбинацию по мотивам песенок Пиаф («Памяти Эдит Пиаф»— так и называется упражнение), заслуженный артист РСФСР Виктор Сергеев исходил, помимо всего прочего, из некоего внутреннего сходства двух необычных характеров и судеб. И из легендарности, тайны певицы, которую современники называли «гениальным воробышком», и гимнастки, чей стиль, манеру именно как — «воробей» — определил ее тренер Рональд Кныш. И из того, что огромная слава одной служила, а другой служит источником не только радости, но и боли. И, наконец, из нервности, если хотите, хрупкости, из разных и близких талантов.

Говоря о хрупкости Корбут, я имею в виду прежде всего то, что она горит жаждой победы, всегда, постоянно — ей чужда умеренность, она сгорает дотла, падает, встает и снова пылает. Она создана природой для взрывов, для вспышек — в этом ее сила и слабость и в этом причина того, что, и разочаровываясь в ней на миг, мы никогда не перестаем ждать от нее новых чудес. Как и она от себя, впрочем.

В год мюнхенского триумфа Корбут на взрослый помост вышла Нелли Ким. Она на два года моложе Ольги — она у нее автографы брала, прежде чем начать побеждать. Улыбчивая Нелли Ким имеет сегодня такой список побед, которым вообще никто в мире не может похвастаться,— она побеждала всех, в том числе и Надю Команечи, юную румынку, претендующую ныне на олимпийское первенство. Ее сила — в стабильности, она почти не падает со снарядов, можно сказать, совсем не падает, и ее успели окрестить «железной». «Железным» звали Шахлина, и в этом была правда: у него никогда не чувствовалось волнения.

Очевидно, разгадка Ким таится в одной особенности ее психики — в совершенной ясности мироощущения, при которой ни победа не выглядит непомерным счастьем (потому что вокруг и другого счастья много), ни поражение — непроглядным горем (именно потому, что счастья вокруг много). Отсюда ее «будь что будет, была не была, чему быть, тому не миновать». Отсюда нерушимая вера в то, что все к лучшему. Отсюда, наконец, то, что она намного меньше, чем другие, тратит чисто нервных усилий. А так как она при всем том и талантлива и хорошо научена своим тренером Владимиром Вайдиным, то ее потенциал, который не всегда выше, чем у соперниц, реализуется полнее, чем у них.

На следующей «возрастной ступеньке» стоят две 17-летних — Лидия Горбик из Минска и Светлана Гроздова из Ростова-на-Дону, схожие, пожалуй, лишь тем, что были запасными на прошлом чемпионате мира, да еще скромностью и прилежанием, но вообще совсем разные гимнастки.

У Горбик есть поклонники и есть противники. Они согласны в том, что она очень хороша внешне, в линиях, в движениях. Она возвышенна, она поэтична, чем напоминает Полину Астахову, идеал гимнастической грации. Но Астаховой в ее времена не требовалась такая мускулистая, стремительная акробатика, какая нужна нынче, говорят противники, и что проку на помосте сейчас от поэта, коли он двойных сальто не крутит? Впрочем, события Кубка СССР показали, что нежная Лидочка научилась делать двойное сальто, чем поразила даже своего тренера Виктора Хомутова.

Гроздова по стилю ближе, пожалуй, к другому направлению — не «классическому» (как Горбик или, например, Саади), а «акробатическому». О ее комбинации на бревне надо говорить в том же тоне, что и о знаменитом упражнении Корбут на брусьях. Оно точно так же способно открыть новый путь ищущей тренерской мысли. Руслан Лавров придумал это упражнение необычно, не концентрируя трюки, перенесенные, скажем, с просторного ковра на узкий деревянный брус (как поступают многие специалисты), а создавая элементы, свойственные именно бревну, где главное — равновесие. А ключ комбинации тот же, что и у Корбут,— кажущаяся невероятность: вот-вот упадет исполнительница, не может не упасть по всем законам физики... А она не падает.

Гроздова — вся в тренера: честный, серьезный человек, не очень любящий, когда на нее направлены юпитеры. Она не избалована ранним успехом, и она немножко «вещь в себе». В этом, впрочем, тоже они с Лидой Горбик похожи друг на друга.

И, наконец, на последней ступеньке стоят три девочки, родившиеся в... Постойте, неужели в 1961 году, когда их нынешний старший тренер Латынина была уже двукратной олимпийской чемпионкой, а наша сборная — трехкратной победительницей Игр? Да, именно так. Они тогда в пеленках были, а сейчас уже на монреальский помост стремятся, а уж на московский — наверняка!

Течение времени мы ощущаем особенно остро тогда, когда видим, как выросли дети.

Маша Филатова из Ленинска-Кузнецкого — хлопотунья, очень дорожащая своим успехом у публики, Лена Давыдова из Воронежа — тихая аккуратистка, Наташа Шапошникова из Ростова-на-Дону — личность, имеющая на все собственное мнение. Средний рост всех троих — приблизительно 137 сантиметров вместе с традиционными бантиками. Общее качество характеров — беззаветная отвага. Общее качество программ — невероятная насыщенность и закрученность.

Словом, в их лице перед нами некая новая гимнастика, черты которой только проступают, но когда вглядываешься в них, видишь будущее.

А если взглянуть на всех сразу, перед нами и живая картина истории и символическая эстафета, стартовавшая в пятьдесят втором, когда родились нынешние правофланговые, и с тех пор не проигравшие командой ни одного своего олимпийского этапа. Сейчас впереди Монреаль, седьмой этап эстафеты, и задача все та же — победить!

■

Нелли Ким, Наташа Шапошникова и Мария Филатова — новое пополнение нашей сборной. * Людмила Турищева успешно выступила в Мюнхене и завоевала там золотую медаль.

Олекса ЮЩЕНКО

В ЭТОТ СВЕТЛЫЙ ЧАС

МИХАЙЛОВСКОЕ

Давно из звучных строк узнав
Красу родной земли поэта,
Сейчас любуясь краем этим,
Вдыхаю запах буйных трав.

И ветвь, налившуюся соком,
И росный луг из края в край,
И небо в блеске синеоком,
Душа, на память принимай!

Бери бесценные подарки,
Как удивленное дитя.
Вовек не сгаснет полдень яркий,
Жар-птицей надо мной летя.

Вовек не сгинет пред глазами
Простое чудо давних лет:
Тропа, изрытая дождями,
Которую воспел поэт.

Его шаги — во мгле аллеи,
Среди ветвей — плаща разлет,
Как будто с музою своею
Он к нам, взволнованный, идет.

Вот он — живой. Все замечает
Его пытливый, острый взор,
В его глазах река играет
И голубая гладь озер.

В его глазах — и лес, и поле,
И вдохновения звезда...
Я благодарен светлой доле,
Что привела меня сюда.

Все — радость сердца и невзгоду —
Словами выразил певец.
В большом признании народа —
Его поэзии венец.

ОДНАЖДЫ МНЕ СКАЗАЛ АШОТ ГРАШИ...

Однажды мне сказал Ашот Граши,
Когда спросил я, любит ли он Киев:
— Люблю ли?.. Он — на дне моей души!..
Он песне дал размах орлиных крыльев!

Всегда он входит в мой армянский дом
Тычины, Рыльского, Сосюры словом,
Во мне звучит он, как весенний гром,
И вижу я всю землю в свете новом.

Он в Ереване высится у нас
Проспектом гордым и мостом могучим,
Раскрыл нам Киев то, что знал Тарас,
В нем — ширь степей, былинный Днепр
и кручи.

Глубины братства всколыхнув во мне,
Он злато-чудом блещет в вышине.

В ГОЛОСЕЕВСКОМ ПАРКЕ ИМЕНИ МАКСИМА РЫЛЬСКОГО

Голос славки в парке славном
Зазвучал едва,
И проснулась лишь недавно
В чаще сон-трава.

Сонно, робко поглядела
На узор ветвей,
Светлый день, встающий смело,
Приглянулся ей.

Закружились золотинки
В теплом свете дня,
Заиграл, как на пластинке,
Луч на кольцах пня.

Смотрим из весенней пущи
В этот светлый час
Мы — на гущу трав цветущих,
А цветы — на нас.

Авторизованный перевод с украинского
Леонида ВЫШЕСЛАВСКОГО.

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Оно томится и скорбит:
Мне вспоминается невольно —
У сына пальчик заболит,
А сердцу матери так больно.

Великая в нем доброта,
Надежды в нем святая сила,
С тех давних пор прошли года,
Но память все восстановила.

Не забываем матерей,
Всегда мы помним детство наше;
Бывало им еще трудней
У нашей юности на страже.

Авторизованный перевод
Николая УШАКОВА.

В МОЕМ ПРИДНЕПРОВСКОМ САДУ

Ты меня позабудешь?
Нет, все обо мне здесь напомнит —
Каждый листик и цветик
В моем приднепровском саду.
Ты меня не забудешь —
И я о тебе не забуду,
Хоть криницею стань.
Я тебя опознаю, найду.

Лепестком неприметным
Запрячешься в венчик ромашки
Иль в калиновой грозди
Засветишься алым огнем, —
Я узнаю тебя,
Даже сам превратившись в травинку,
Я тебя разбужу,
И салютом прокатится гром.

Ты меня позабудешь?
Не сможешь забыть нипочем!

Авторизованный перевод
Бронислава КЕЖУНА.

Ольга Корбут выполняет свою сложнейшую комбинацию на разновысоких брусьях. * Вольные упражнения Светланы Гроздовой. * Мария Филатова уверенно чувствует себя на самом коварном снаряде — бревне. * Эльвира Саади в опорном прыжке. * Вольные упражнения Нелли Ким.

B. Маяковский во время пребывания в Мексике. Фотография, подаренная поэтом журналу «Анторча».

МАЯКОВСКИЙ

19 июля — день рождения великого поэта Владимира Владимировича Маяковского. В канун этой даты мы решили раскрыть книгу отзывов Государственного музея В. В. Маяковского, где на многих языках народов нашей планеты говорится о мировом значении поэзии глашатая революции. В этом своеобразном путешествии нам помогает директор музея Владимир Васильевич Макаров. Он рассказывает:

Живой опыт развития советской литературы и социалистической культуры подтверждает, что творчество Маяковского воспринимается как образная движущаяся система беспредельной революционной энергии. «Маяковский — гений энергии, поэтической силы, лучшего будущего, свободного человечества и социализма»,— такую запись в книге отзывов музея оставил писатель из ГДР Эрих Фабиан.

По мере роста международного рабочего движения и усиления авторитета СССР на международной арене творчество Маяковского приобретает все большее и большее значение. Хорошо об этом сказал Николай Семенович Тихонов: «Без Маяковского невозможно представить себе существование советской поэзии, социалистической культуры. Его известность давно перешагнула рубежи Советского Союза...

Маяковский стал сегодня вождем революционных поэтов мира».

Вот как об этом же говорит бразильский поэт Жоржи Амаду: «Маяковский учит нас всех — писателей и поэтов, как превратить искусство в орудие пролетариата для строительства социализма».

Впервые в истории мировой литературы Маяковский соединил, по словам Александра Фадеева, «воедино поэзию и коммунизм» — искусство и марксистско-ленинское учение.

Даже буржуазная американская пресса еще при жизни Маяковского была вынуждена признать его первым поэтом пролетарской революции. «Генералиссимус армии революционных менестрелей находится в настоящее время в нашей стране,— писала одна из американских газет.— Это Владимир Владимирович Маяковский, поэт — лауреат русской революции, ее лирический оракул».

Копии документов Государственного департамента США за 1925 год рассказывают о пребывании Владимира Маяковского в Америке и о том, как американская реакция боялась «полпреда стиха». Так, некий услужливый и негодующий «гражданин», проживающий в Нью-Йорке, в одном из своих письменных доносов, направленных 17 августа 1925 года государственному секретарю США, а в копии министру обороны и в другие ведомства, писал:

«Сэр!

В то время, когда трудно получить визу на въезд в Соединенные Штаты, еще более трудно понять следующие обстоятельства: три недели назад прибыл в Нью-Йорк из Европы и Южной Америки известный пропагандист Московского исполкома Коммунистического Интернационала Владимир Маяковский...

В субботу 15 августа в его честь был дан "великолепный" банкет в Сентрал Опера хауз... Все ораторы заявляли, что Маяковский — делегат Коммунистической партии, что он является могильщиком капиталистической системы. Он ответил на это своими стихоподобными словами:

«...Ешь ананасы, рябчиков жуй. День твой последний приходит, буржуй» и т. д.

Это была опасная демонстрация».

Письмо заканчивалось словами: «Прошу вас, оградите души американцев от этих преступных элементов».

Письму был дан незамедлительный ход. Но ничто не смогло остановить всепобеждающее шествие поэзии певца социалистической эры!

«Через хребты веков и через головы поэтов и правительств» книги Маяковского находят путь к глубинам человеческих душ во многих странах мира. Уже в 1922 году стихи Маяковского были переведены на французский язык, в 1924-м — на итальянский, в 1925-м — на английский в Америке, в 1926-м — в Англии. В том же году — на испанский, в 1930-м — на голландский.

Статистика ЮНЕСКО (1972 г.) утверждает, что произведения Маяковского переведены на 109 языков. В настоящее время, по данным музея, число языков народов мира, на которых печатаются произведения Маяковского, составляет 112.

Великий поэт великой эпохи обошел весь земной шар, все континенты планеты.

«Как живой с живыми» сегодня Маяковский говорит от имени Советской России, ее партии и народа с человечеством мира, оставаясь Поэтом и Человеком настоящего и будущего.

Сегодня авторитет Маяковского исключительно высок, историческая правда его поэзии настолько очевидна, что не только у нас, но и за рубежом постоянно проводятся симпозиумы и конференции по его творчеству; изучение поэзии Маяковского включено в программы многих университетов. Общество Новой японской литературы, например, в целях широкого ознакомления с советской культурой решило создать Институт Маяковского... В Западном Берлине организована специальная выставочная галерея Маяковского.

Наряду с этим вокруг творчества поэта ведется ожесточенная борьба, делаются безуспешные попытки выхолостить революционное содержание его поэзии, в целях антисоветской пропаганды распространяются всевозможные клеветнические измышления о поэте. Особенно в этом преуспевает модернистская критика, не приемлющая социалистической тенденциозности Маяковского.

Два года назад в Москве в том самом доме 3/6 по Лубянскому проезду (сейчас проезд Серова), в котором жил и работал Маяковский, открылся уникальный литературно-мемориальный музей поэта.

Открытие этого музея получило широкий резонанс за рубежом. За два года его посетило более трех тысяч иностранных граждан.

Дважды побывал в музее, например, профессор одного из американских университетов Эдвард Браун. Его многочисленные вопросы говорят о большом интересе к творчеству Маяковского. Сильное впечатление на гостя произвел «язык» подлинных документов, представленных в экспозиции.

Каков же итог этих посещений? Вот запись, оставленная Э. Брауном 21 января 1975 года:

«Я был здесь год тому назад (1 февраля 1974 г.) и провел в стенах музея около двух часов. Но все-таки хотел еще раз вернуться, т. к., по-моему, это один из самых интересных и впечатляющих музеев, какого я нигде не видел до сих пор, хотя уже знаком с почти всеми самыми известными музеями Америки и Западной Европы».

Другой гость из США, профессор Техасского университета, посетив музей, записал: «Поздравляю с прекрасным состоянием замечательный музей одного из великих поэтов эпохи...»

По туристической путевке в СССР впервые из США приехала дочь Татьяны Яковлевой (помните стихотворение Маяковского «Письмо Татьяне Яковлевой»?) Франсин Грей вместе со своим мужем, художником Кливом Греем.

Франсин провела детство в Париже. Ее семья переехала в США в начале второй мировой войны. Отец Франсин — капитан военно-воздушных сил Франции, активный участник движения Сопротивления — погиб в 1940 году и был в числе первых пяти человек, награжденных высшим орденом Сопротивления.

Татьяна Яковлева с дочерью выехали из Парижа за три дня до падения столицы Франции.

Брат Татьяны Алексеевны Яковлевой (дядя Франсин) был расстрелян фашистами в 1943 году в Киеве. Его сын убит на фронте в первые дни Великой Отечественной войны.

Франсин Грей бакалавр философии, автор ряда статей и двух книг.

Во время пребывания в СССР супруги Грей посетили музей В. В. Маяковского и оставили следующие записи:

«Это самый прекрасный музей, который я видела в СССР, и тот факт, что он посвящен писателю, делает его еще более значительным. Я не знаю более совершенно оформленного литературного музея в мире. Выражаю мое восхищение всем сотрудникам, кто создавал этот музей...
28 мая 1976 г. Франсин Грей».

«Глубоко трогает преданность Маяковскому, лежащая в основе этого музея. Метод и блестящая экспозиция прекрасно передают его дух — замечательное подтверждение того, что настоящее искусство может соединить прошлое и будущее.

Поздравления всем.
28 мая 1976. Клив Грей».

Весть об Октябрьской революции пронеслась над американским континентом, по словам Николаса Гильена, как «освежающий ветер», а вслед за ней до читателя дошли стихи Маяковского.

В очерке «Мексика» Маяковский писал: «Диего де-Ривера встретил меня на вокзале. Поэтому живо-

ШАГАЕТ ПО ПЛАНЕТЕ

В. МАКАРОВ

пись — первое, с чем я познакомился в Мехико-Сити». Через четверть века Диего Ривера, вспоминая о встрече, скажет: «Маяковский для Мексики был метеором по краткости своего пребывания и ослепительности своего гения. Но свет этого метеора не угас в нашей стране — он озаряет нас всех и сегодня. Маяковский недолго жил среди нас, но тем не менее мы чувствуем, что он принадлежит и нам, потому что его гений породил расцвет многих мексиканских талантов. Он вызвал восторженную любовь всех, кто его видел. Его изумительный голос и необычайная звучность его стихов пробуждали безграничный энтузиазм рабочих и крестьян, которым удалось слышать, как он их читал. Позже «Левый марш» в хорошем переводе превратился в гимн и боевую песню трудящихся».

Маяковский первым из советских поэтов «открыл» Мексику. «Товарищ Морено.— Вспоминал Маяковский.— Депутат от штата Вера-Круц. Морено вписал в мою книжку, прослушав «Левый марш»... «Передайте русским рабочим и крестьянам, что пока мы еще только слушаем ваш марш, но будет день, когда за вашим маузером загремит и наше «33» (калибр кольта)». Кольт загремел, но, к сожалению, не мореновский, а в Морено. Уже находясь в Нью-Йорке, я прочел в газете, что товарищ Морено убит...»

Морено был убит в день своего двадцатипятилетия генералом-палачом Линдоро Эрнандесом.

Бережно хранят память о герое в Мексике. Надгробие могилы Морено, увенчанное серпом и молотом, утопает в цветах. На камне высечено: «Здесь покоится депутат-коммунист, защищавший пролетариат, Франциско Х. Морено, убитый реакционерами в правительственном дворце Халапа. Энрикез. 14 сентября 1925 года. От отца и сестры».

Первыми из мексиканцев, посетивших музей Маяковского, были член Коммунистической партии с 1923 года товарищ Хорхе Фернандес Анайя с супругой, дочерью Франциско Морено.

После знакомства с экспозицией они написали в книге отзывов: «...Маяковский воспевал русскую революцию и в то же время глубоко сочувствовал борьбе мексиканских рабочих и крестьян. Как поэт-революционер, он изучал условия жизни и борьбы мексиканцев, дружил с мексиканским коммунистом Франциско Х. Морено... У Маяковского сложилось очень четкое и точное представление о борьбе мексиканских народных масс...

Революционеры, посещая музей Маяковского, будут укреплять свою веру в революцию, в великое созидательное творчество революции. Мы в нашей революционной борьбе всегда будем помнить о музее Маяковского».

Боевая поэзия Маяковского созвучна борьбе народов Латинской Америки за освобождение. Об этом говорят в своих отзывах выдающиеся прогрессивные деятели Мексики, Колумбии, Бразилии, Чили, Кубы.

«С огромным волнением и все растущим интересом посетил новый музей гениального поэта нашей эпохи, певца Великой Октябрьской социалистической революции. Этот музей поистине достоин памяти великого поэта, самого выдающегося из поэтов нашего XX века. Этот музей олицетворяет огромный прогресс Советского Союза буквально во всех областях.

Я посещал старый музей Маяковского в 1956 году, и теперь, побывав в новом музее, я понял, что этот прекрасный музей неизмеримо превосходит старый. Горячо поздравляю всех сотрудников за прекрасно организованный музей.

17 июня 1974 г.

Хильберто Виейра,
Генеральный секретарь
ЦК Компартии Колумбии».

Следующая запись Хильберто Виейра, гостя XXV съезда КПСС: «Во время второго посещения музея я вновь испытал чувство восхищения крупнейшим эпическим поэтом Октябрьской революции, внесшим огромный вклад в победу ленинизма; смог увидеть и понять предвидения Маяковского, воплощенные в делах нашей эпохи и особенно в незабываемые дни XXV съезда КПСС.

7 марта 1976 г.

Хильберто Виейра,
Генеральный секретарь
ЦК Компартии Колумбии».

Вместе с товарищем Хильберто Виейрой побывал в музее и товарищ Альваро Дельгадо — член Политбюро ЦК Компартии Колумбии.

«Самое главное в жизни каждого художника,— записал он в книге посетителей музея,— найти место в сердце народа, в котором он никогда не умрет. Маяковский прекрасно добился этого и стал замечательным сыном Советской Родины».

Социалистическая Куба помнит, знает поэзию Маяковского. Кубинские поэты, ученые и журналисты — частые гости музея. Ярки и искренни их записи в книгах отзывов.

Луис Марре: «Поэзия Маяковского бессмертна. Здесь, в этом музее, мы как будто встретились с ним, слышим его мощный голос, чувствуем его гигантское воображение, представляем его личность, читаем его книги».

Хосе Барбан: «Здесь, в Доме-музее Маяковского, мы воскресили и почувствовали глубокий революционный пафос творчества Маяковского. Мы увозим на Кубу неизгладимые впечатления...»

Адольфо Суарес: «Хорошо! Здесь живет Маяковский. Большое спасибо советским братьям за то, что вы дали возможность увидеть дом, где трудился, жил, боролся могучий гигант коммунистической поэзии... Я встретился с живым колоссом, с человеком будущего, поэтом-коммунистом, имя которого Владимир Владимирович... Я почувствовал, что этот гигант не умер, живет своей новой жизнью. Он воплотился во всех людях-коммунистах, в обществе, которое с таким успехом строит советский народ под руководством великой Коммунистической партии. Слава Маяковскому! Слава вашему народу — советскому народу!»

Анхель Аукьер: «Современно и динамично оформлена экспозиция. Она знакомит нас с жизнью и творчеством советского поэта... Прощаясь с музеем, мы глубоко взволнованы встречей с прекрасным поэтом, поэтом-революционером».

Маяковский живет в сердцах англичан и поляков, французов и венгров, немцев и арабов, португальцев и румын...

Английский критик и писатель, автор книг о Баксте, Дягилеве и многих других, Чарльз Спенсер 20 марта 1976 года отметил: «Это один из самых волнующих визитов во время моего пребывания в Москве... Музей замечателен. Он очень интересно и глубокомысленно оформлен. У нас в Великобритании нет подобных музеев, созданных для наших великих писателей...»

«Я знал СССР по книгам и журналам,— пишет Георгий Завелакис (Греция). — Я впервые посетил Советский Союз... Маяковский — один из моих любимых поэтов. Сейчас на моей родине часто бывают обсуждения его творчества. Его произведения переведены лучшими нашими поэтами. Его творчество особенно любит молодежь.

Экспозиция музея дала мне самое живое представление о поэте. Все экспонаты и способ показа являются воплощением большой любви советских людей к его творчеству.

Я связываю борьбу народа за свободу Родины с борьбой за сохранение ее культуры. И живой пример этому — поэзия Маяковского. Его книги, пробитые пулями, тронули мою душу, я понял, что среди ужасов войны человек не теряет своей души и боль свою связывает с поэтами, а они дают силу новым поэтам. 19.5.75 г.».

Переводчик поэмы В. В. Маяковского «Облако в штанах», гость из Индии Садананд С. Реге написал: «Сегодня мне выпала честь посетить музей Маяковского в Москве во время моего пребывания в СССР как лауреата премии Джавахарлала Неру. Произведения Маяковского не только очаровали меня, но и значительно изменили мою жизнь и видение будущего человечества. Я счастлив заметить, что жители Махараштра очень полюбили мои переводы. В других городах Индии они тоже были хорошо приняты... Садананд С. Реге,
лауреат премии
Джавахарлала Неру. 1972 г.».

«Мы восхищены всем, что видели и слышали в музее Маяковского, стихи которого воплощают борьбу этого великого поэта за завоевания Октябрьской революции, претворение в жизнь Ленинского плана культурной революции.

28 апреля 1974 г. Д. Каден (Иран)».

«Велик тот народ, который ценит своих великих людей. Советский Союз это подтверждает этим музеем. Это ваша честь!

И. Менули, литератор
из Югославии».

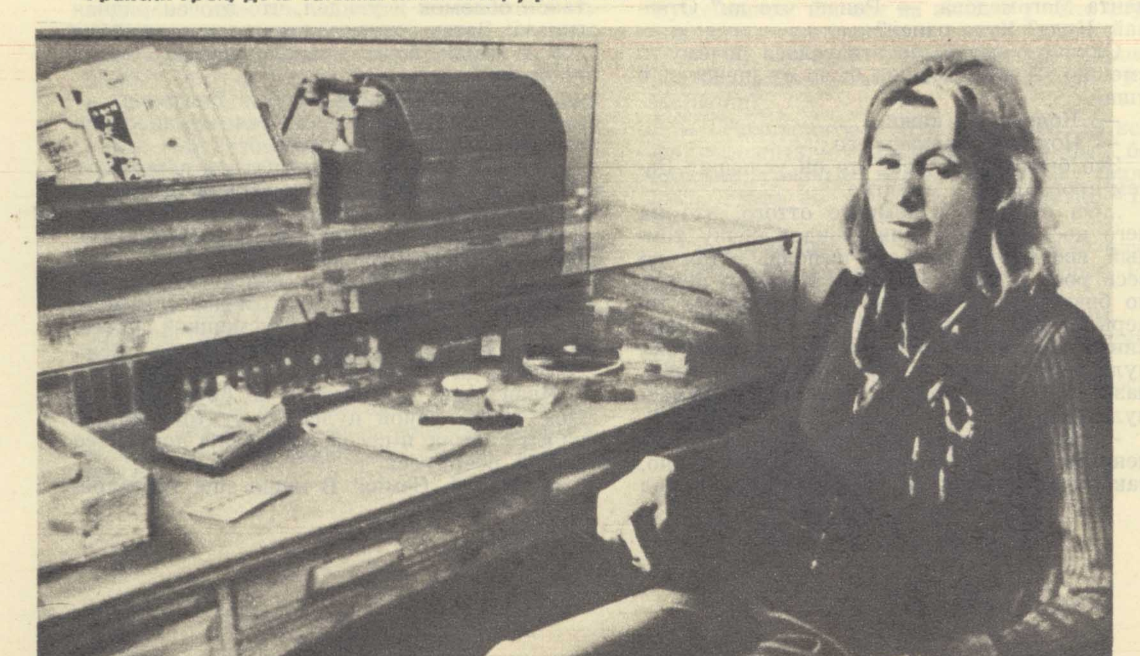
«Я желаю музею счастливого старта... Надеюсь, что сотрудники превратят его в центр связи со всем миром.

Андриан Ван Дер Стаай
(Голландия)».

Музей Маяковского — это часть великого города. Маяковский живет в прекрасной Москве, а поэзия его звучит на всех континентах земного шара! И сегодня, в день рождения Владимира Владимировича, мы говорим:

— Добро пожаловать в Дом поэта, в Государственный музей Владимира Владимировича Маяковского!

Франсин Грей, дочь Татьяны Яковлевой, у рабочего стола В. В. Маяковского.

«Комнатенка-лодочка» в музее поэта.

Один из залов музея. **Фото В. БУКОЛОВА**

Анатолий ИВАНОВ

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ВЕЧНЫЙ

Вчера вечером самоходка Магомедова, о которой Алейникову рассказывал начальник штаба дивизии подполковник Демьянов, смяв вражескую батарею, неслась среди толп бегущих куда-то немцев, давила их, разбрасывала тупым рылом, вздрагивала от каждого выстрела, и у Семена возникало ощущение, будто тяжелая машина всякий раз на секунду останавливалась, а потом стремительно бросалась дальше в свистящий дымно-огненный ад, сама распуская за собой желто-черный хвост дыма. Она горела уже давно, поджег ее какой-то рыжий немец, кинувший под гусеницы из окопчика гранату. Семен увидел немца, находящегося впереди и чуть сбоку, уже в тот момент, когда он размахивался, и невольно прикрыл на мгновение глаза. Граната должна удариться сбоку в левую гусеницу, точно посередине, Семен это почувствовал, она порвет траки — и тогда... Тогда грозная, не танк, конечно, но все равно грозная и могучая машина превратится в беспомощную стальную коробку, каких много вон торчит по всему полю и у подножия высоты, откуда била наша батарея.

Взрыв ухнул нестрашный — сколько Семен пережил уже и таких взрывов и прямых попаданий в броню снарядов и бомб! — гусеницы остались целы, но через какие-то секунды в машину потек едкий дым. Еще до того, как он потек, Семен круто развернул самоходку и, сжав зубы, в порыве ярости бросил ее на окопчик. Он еще раз увидел того же немца, который теперь трясущимися руками хватался за край окопчика, пытаясь из него выскочить. «Идиот безмозглый!» — злорадно подумал Семен, увидев, что окопчик глубокий и если бы немец остался в нем, упал на дно, ничего ему бы не сделалось, разве бы присыпало немного землей. Теперь же для него спасения не было...

— Куда эдешь? Куда эдешь?! — заорал командир самоходного орудия лейтенант Магомедов. — Сержант! Назад!

— Горим! Команди-ир... — задыхаясь, прокричал в ответ Семен, круто разворачивая машину, подмявшую рыжего немца.

— Мы, кажись, врюхались, — послышался голос Ивана. — Слева нас танки отрезают!

— Шайта-ан! — визгливо воскликнул командир самоходки. — Ну, ладно, ну, ладно... Разворачивайся еще! Направо! Будем пробиваться назад, к своим...

— Да куда? И справа вон колонна прется! — опять прохрипел Иван.

Две-три секунды Магомедов молчал. Затем обезумевшим голосом скомандовал:

— Вперед... к высоте! Пробьемся к нашей батарее!

Семен, подчиняясь приказу, бросил самоходку к высоте, которую обтекали вражеские танки. По ним били с холма наши пушки, а по холму яростно молотили из своих орудий немецкие танки, фонтаны из огня и земли делались все гуще, и скоро высота почти потонула в дыму и сухой, горячей пыли. Самоходное орудие тоже стреляло раз за разом, но попадал ли дядя Иван в немецкие машины, Семен не видал. Пламя, хлеставшее откуда-то сбоку, временами доставало уже его плечо.

— Боеукладка горит! — страшно прокричал Иван. — Счас рванет!

— Глуши мотор! Всем из машины!

Семен на землю вывалился мешком, глотнул полную грудь воздуха, который был ненамного свежее, чем в машине, — с дымом и бензиновой гарью, но все же им можно было дышать. Несколько мгновений он лежал, распластавшись, прижимаясь к земле грудью, чувствуя, как саднит обожженное плечо. Лежа, он ничего не видел из-за стлавшихся по высохшей траве дымов, только слышал всем телом, как от танковых гусениц, рвущихся снарядов дрожит земля.

— К высоте! Савельевы, где вы там?!

— Ага, понятно... — зачем-то вслух пробормотал Семен, приподнялся, увидел в бело-грязном дыму бегущих к высоте дядю Ивана и Магомедова, бросился за ними. Но сзади, шагах, может, в пятнадцати — двадцати, там, где стояла горящая самоходка, рвануло небо и землю, в ушах зазвенело и засвербило, будто туда забилось по комару.

— Семка! Семен! Сержант! — как из-под земли донеслись слабые голоса. Они были чужими, Семен не узнал их, только увидел перед собой закопченное и мокрое лицо дяди Ивана, а выше, чуть ли не под самым небом, угольно-черные глаза лейтенанта Магомедова. — Ранен, что ли? Отвечай. Куда? Куда ранен?

Слушать ему было эти голоса почему-то смешно. И еще смешно было от щекотки в ушах.

— Контузило, кажись...

— Помогай. Таскаем его...

Это было последнее, что он услышал. Затем провалился в небытие.

...Он очнулся в темноте оттого, что на него посыпалась земля, увидел сбоку темный звездный квадрат, выполз, встал во весь рост и пошел куда-то. Комары, недавно бившиеся о барабанные перепонки, теперь летали и летали вокруг головы, попискивая. Семен, не понимая, что это свистели пули, поморщился и даже, пытаясь отогнать назойливое комарье, несколько раз взмахнул рукой.

— Ты?! Обалдел совсем! — донесся обозленный крик до него, опять еле слышно, как из-под земли. Но теперь Семен узнал голос дяди Ивана. А потом разглядел во мраке его самого. Без пилотки, в расстегнутой гимнастерке он лежал на бруствере траншеи и, полуобернувшись, сверкал белками глаз.— Ложись! Семка-а!

Семен теперь догадался, что это не комары попискивают вокруг головы, а пули, что идет бой. Он понял, что хочет от него дядя Иван, но не лег, даже не пригнулся. Он так во весь рост и дошагал до траншеи.

— Ог-гонь!

Сбоку стояло, оказывается, невидимое в темноте орудие, и теперь, когда оно выстрелило, пламя на мгновение осветило пушку, сгорбившегося над панорамой наводчика и подносчика снарядов, бравшего из ящика новый заряд.

Иван метнулся к подошедшему Семену, рванул его в траншею.

— Ты что?! Пришьет, как козявку! Ну, слава богу, живой! А то я думал — в блиндаже тебя накрыло...

— Чего? — спросил Семен и не расслышал почти своего голоса. «Ну да, контузило,— равнодушно подумал он.— Уши, наверное, порвало...»

— В блиндаж мы тебя положили... А они лезут и лезут. Третий раз отбиваемся. На!— Иван сунул ему автомат.— Это ведь нашу самоходку рвануло. Я думал, ты успеешь отбежать. А ты, тетеря...

В стороне, метрах в десяти от первого орудия, выстрелило второе. Семен поглядел в ту сторону, где блеснул и тут же потух язык пламени, взял автомат.

— А что тут?

— Веселенькая обстановочка, Семка,— проговорил Иван, ударом ладони защелкивая новый диск в ручной пулемет.— Кругом немцы. Тут, на высоте, две пушки, да нас шестеро. Не считая мертвых. Мертвых, правда, много... Две пушки от батареи осталось. А где наши — неизвестно.

В это время там, где только что выстрелило второе орудие, темным бугром вспухла земля, внутри земляной тучи закрутилось красное с черными прожилками пламя, и, прорвав сразу во многих местах оболочку бугра, огонь стрелами ударил в небо. Между стрел, крутясь, взвились какие-то короткие обломки и стали с глухим звоном падать рядом с Семеном. Он поглядел на один такой обломок и увидел, что это снарядная гильза. Затем сверху посыпались дождем комья земли, больно заколотили по голове, по спине.

— Ложись! Голову береги! Голову...

Как беречь голову, Семен не знал, но все же лег на дно траншеи.

Когда комья сверху сыпаться перестали, он поднялся, отряхнулся, выдернул присыпанный землей автомат. Едкий запах сгоревшего тола раздирал горло. Семен похрипел, помотал головой и сплюнул.

— Слава богу, теперь нас четверо вроде осталось. Ты, да я, да Магомедов с Ружейниковым,— со страшной усмешкой проговорил Иван.— У той пушки было двое. Четверо, да орудие одно... Ах, сволочи!

Иван глянул в темноту за бруствер, потряс свой ручной пулемет, будто выбивая из него землю и песок, установил попрочнее сошки, обернулся:

— Давай, Семка! В нише еще три заря-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18—28.

женных диска. И гранаты, кажись, есть. Чего сидишь, они лезут же!

И его пулемет остервенело застучал. Спина Ивана задергалась от выстрелов.

Крик Ивана и звон коротких пулеметных очередей заставили Семена метнуться к брустверу. Сжимая автомат, он упал грудью на земляной ровик. Внизу, по скату холма, горело три танка. Два уже еле-еле дымились, они подбиты были, может быть, еще днем, а третий, который был ближе всех от траншеи, полыхал ярким костром, и в небо, освещенное заревом, ввинчивался черный и толстый дымный жгут. В колеблющемся свете Семен различил немцев. Короткими перебежками они продвигались вверх, к ним. Вскинув автомат, Семен нажал на спуск и не разогнул пальца, пока не кончился диск.

— Что делаешь, Семка?! — донесся до него крик, когда автомат в его руках перестал дергаться.— Что делаешь? Короткими, говорят тебе!

Иван кричал, видимо, давно, лицо его, повернутое к Семену, было мучительно перекошено.

— Беречь патроны! Понятно-о?!

За горящими танками взад и вперед ползали три или четыре фашистских машины, башни их время от времени изрыгали пламя. Но снаряды рвались то справа, то слева за позицией батареи, хотя и недалеко. «Стрелки, мать вашу!» — злорадно выругался про себя Семен, вталкивая в приемник новый диск. Единственная пушка, оставшаяся от бывшей батареи, отвечала беспрерывно, пламя от ее выстрелов раз за разом светло вспыхивало над головой. Но и ее снаряды то не доставали до немецких машин, то перелетали. «Алифанова бы на вас...— так же злорадно подумал Семен, засекая упавшего метрах в тридцати немца.— Алифанова...»

ЗОВ

Немец, грузный и широкоплечий, полежав, вскочил было. Семен дал короткую очередь. Очень короткую, в три-четыре патрона. Фашистский солдат остановился, будто в недоумении, сделал несколько шагов назад, еще постоял и, как столб, грохнулся на спину. «Вот и отдохни»,— усмехнулся Семен.

Один немец упал, а остальные все двигались и двигались на высоту. Черные их фигурки копошились во мгле, мелькали в колеблющемся свете горящих танков. Сколько было немцев — Семен определить не мог. Может, пятьдесят, может, сто. Он стрелял и кого-то убивал, это он видел ясно. И дядя Иван, наверное, кого-то укладывал. Но все равно фашистов было много. А их всего в траншее двое. Да где-то за спиной еще двое у пушки. А немцы совсем близко, их можно уже и гранатами достать...

— Семка-а! Гранаты! — прокололо ему уши. «Интересно,— подумал Семен.— Или дядя Иван кричит небывало еще громким голосом, или уши мне отложило?» Он, не спуская глаз со все приближающихся немцев, отложил автомат и нащупал в нише гранаты.

Рядом упал выскочивший из темноты лейтенант Магомедов, низкорослый азербайджанец, тяжело задышал, уткнув лицо в землю.

— А пушка? Вы что?! — повернулся к нему Семен.

— Зачем пушка сейчас нужна будет? Ничего теперь не нужно будет...

Еще подышав несколько секунд, он оторвал от земли обожженное пороховыми струями скуластое лицо, вскочил по-кошачьи, отбежал вдоль траншеи метров за пятнадцать, начал из ниши выкладывать на бруствер гранаты.

Пушка за спиной между тем выстрелила. «Значит, там Ружейников какой-то один... один»,— отчетливо подумал Семен, зажал в кулаке «лимонку» и выглянул через ровик. Немцы были совсем рядом, они, человек восемь, бежали кучкой, почти теперь не стреляя.

Семен, еще помедлив, бросил гранату, три-четыре секунды последил за ее полетом, и, убедившись, что она упадет в гущу вражеских солдат, осел в траншею и, прикрыв глаза, стал ждать взрыва. Граната лопнула с сухим треском. Семен услышал, как с визгом брызнули осколки, открыл глаза. Во мраке был виден ему дядя Иван — нагнув голову и выставив костлявые плечи, он прижимался к стене траншеи. И Семен понял, что он тоже швырнул только что гранату. Над ним вспыхнуло чернильно-темное и тяжелое, будто литое из чугуна облако пыли. Потом взметнулось второе, третье... Значит, дядя Иван раз за разом бросил несколько гранат, мелькнуло у Семена, а вот он, Семен, так не догадался... И, видя, что Иван разогнулся, припал к пулемету и начал строчить, Семен тоже схватил автомат, высунулся из-за ровика.

По всему склону плавали в темноте клочья не то дыма, не то пыли, поднятой гранатными разрывами. Справа и слева эти клочья были гуще, закрывали склоны почти наглухо, а перед Семеном, бросившим одну гранату, стояла, покачиваясь, всего лишь мутная стенка, просвечиваемая пламенем горящего внизу танка, и он увидел совсем близко от бруствера траншеи скрюченные тела трех убитых немцев, а дальше, в желтой мгле, согнутые фигурки бегущих вниз солдат.

«Ага-а!» — торжествующе выдавил Семен сквозь стиснутые зубы, схватил автомат и начал стрелять, ни в кого не попадая. Немцы убегали все дальше, проваливаясь во тьму. Краем глаза Семен увидел, что Магомедов выскочил из траншеи, и бросился в сторону орудия. «Живой,— отметил Семен.— И дядя Иван живой. А Ружейников? Пушка вроде давно не стреляет...»

Орудие в этот момент ухнуло, тьма внизу, куда проваливались немцы, осветилась мгновенной вспышкой. Но в эту короткую долю секунды Семен ничего не мог рассмотреть, кроме все того же догорающего немецкого танка, не заметил ни одной человеческой фигуры. Ползающие за подбитым танком немецкие машины тоже куда-то исчезли.

Этим выстрелом и закончился бой на окруженной высоте. Установилась вдруг тишина, непонятная и чужая. В небе горели бесшумно белые звезды, но ничего не освещали, просто торчали вверху неизвестно зачем, без всякой пользы.

От орудия подошли Магомедов и еще один человек, хлипкий какой-то, в изорванной гимнастерке. Это и был старший лейтенант Ружейников. Он сел на землю, устало спустив ноги в траншею.

— Ну, вот так... сосенки-елочки,— произнес он, глядя во тьму через бруствер.— Где же наши?

— Похоронить убитых надо бы... В землю положить,— сказал Иван. Он был без пилотки, грязные волосы торчали, свалялись, глаза во мраке поблескивали.— Ну что, Семен?

Семен не ответил, не хотелось ему ничего отвечать. Снова послышался голос Ружейникова:

— Утром похороним, если доживем... В воронки складем и засыплем... Документы только у каждого взять.

— Уши как, спрашиваю? — спросил Иван.

— Чего? Ничего.

— Кровь перестала течь?

— Какая кровь?

Семен потер пальцами мочки ушей, ощутил липкость.

— Течет. А не больно...

— Это ему в блиндаже додавило. Мы думали, там безопаснее будет, а туда снаряд...

— Мой блиндаж был крепкий,— зачем-то произнес Ружейников, поглаживая колени.— В пять накатов... Вода у нас есть?

Иван ушел в темноту, но тут же вернулся с фляжкой, протянул Ружейникову. Тот жадно начал пить, обливая распахнутую грудь, будто пил не из фляжки, а из котелка...

* * *

Высота 162.4, небольшая, изрытая снарядными воронками сопка, прикрывала Жерехово с северо-востока, перед ней кругом было лысое пространство, только справа от огневой позиции бывшей батареи Ружейникова, за протекающей метрах в семистах речушкой, начинался жиденький, клинообразный перелесок, острие которого подступало к самому берегу. Дальше, за речкой, клин расширялся, на правом его краю, если смотреть от батареи Ружейникова, и стояло это большое когда-то село, почти городок, сейчас начисто сожженное и разрушенное. Обтекая на расстоянии высоту, речка выгибалась кренделем, ныряла в лес, подходила к самой окраине Жерехова, а потом устремлялась прочь в топкие болота, поросшие густым осинником да ольховником. Болота эти тянулись на много километров и были уже в тылу немцев. Дальше, за болотами, начинались знаменитые брянские леса...

Старший лейтенант Ружейников, в прошлом колхозник из подмосковного села, длинный, как журавль, стоял на коленях в отрытой в этом месте во весь рост траншее, положив локти на земляную бровку, глядел в стереотрубу. Гимнастерка его, рваная, грязная и заскорузлая от высохшего пота, бугрилась на спине, потрескивала, как жесть, когда он шевелился. Поднявшееся над затянутым дымной мглой горизонтом солнце косо било с неба, освещало изуродованную взрывами огневую площадку с валявшимися на ней гильзами и пустыми снарядными ящиками. Посреди хаоса и земляных бугров, гильз и снарядных ящиков уныло и беспомощно стояло орудие со снятой панорамой, черным, обгоревшим от стрельбы стволом. Прицельное устройство держал в руках бывший командир самоходки Магомедов, обдувал от пыли и протирал грязной тряпкой. Потом завернул панораму в эту же тряпку и сунул в нишу, выбранную в стенке траншеи, отложив в угол несколько гранат-лимонок, похожих на кедровые шишки, тяжко, без слов, вздохнул, стал копаться в разбитой снарядным осколком рации. Покопавшись, пнул ее сердито и одновременно махнул безнадежно рукой.

— Сосенки-елочки,— произнес свое обычное Ружейников, не прекращая наблюдения.

Эти слова выражали у него что угодно — гнев и восторг, удивление и заботу, одобрение или осуждение. Все зависело от тона, каким эти слова произносились. Сейчас они означали, что командир батареи согласен со вздохом Магомедова и его жестом.

Согласен с ним был и Семен Савельев. Он, сильно поджав ноги в коленях, сидел в траншее возле Ружейникова, на снарядном ящике, прислонясь к горячей земляной стенке спиной. Все они, находящиеся на высоте, обречены, это ясно. Но это не вызывало у Семена ни страха, ни хотя бы легкого беспокойства. С каких-то пор он жил будто в другом измерении, в непонятном ему самому теперь мире, который вызывал лишь легкое любопытство. До этого шла жизнь, жестокая и беспощадная, полная огня и смерти, грохота гусеничных траков и бензиновой гари, а потом вдруг что-то в этом кровавом мироздании дрогнуло, раскололось и произошло странное смещение. Объяснить Семен ничего не мог, но его изнуренному многодневной смертельной опасностью сознанию чудилась фантастическая картина: зимнее небо, весь мир, все это страшное бытие неожиданно дрогнуло, что-то сзади по-

плыло, настигая его, настигло и рассыпалось, заваливая его осколками. То ли это случилось в тот момент, когда они бросили пылающую самоходку и, попрыгав в задымленный бурьян, побежали к холму? Или прошедшей ночью, когда на высоту, к самой траншее, опоясывающей огневые позиции бывшей батареи Ружейникова, неудержимо лезли немцы? И они вскарабкались бы на высоту, достигли бы траншеи, если бы кто-то не крикнул: «Семка-а! Гранаты!» Кто же это прокричал, кто скомандовал? Кажется, дядя Иван. Семен бросил гранату в кучу немцев, подбежавших совсем уже близко. Бросил, вжался в стенку траншеи, увидел, что то же самое делает дядя Иван, и подумал, что все это уже бесполезно, — сквозь стену земли и огня, поднятой взрывами, все равно сейчас прорвутся немцы, вскарабкаются по-звериному на бруствер и сверху в упор пришьют к земле из автоматов и дядю Ивана и его, и азербайджанца Магомедова. И никто никогда не узнает, как они погибли здесь, — ни мать, ни Наташка, ни Олька Королева...

— Спишь, Семен? — послышался голос. Семен открыл глаза, увидел стоящего в траншее дядю Ивана. В одной руке у него был котелок, в другой грязная и старая плащ-палатка. — На, поешь.

— Не хочу.

— Сутки во рту крохи не держал.

— Не надо, — вяло отмахнулся Семен и медленно, с трудом разогнулся, встал на снарядный ящик, выглянул за бруствер.

Иван тотчас схватил Семена за ремень и что есть силы рванул вниз. И вовремя — в ту же секунду щелкнул внизу выстрел, пуля сорвала пыльную пленку с гребня бруствера как раз над тем местом, где только что была голова Семена, и, прошив пустой воздух, с визгом ввинтилась куда-то в небо.

— Совсем, что ли, ополоумел?

Лицо Ивана было измученным, усохшим, землисто-серым. Семен поглядел в это лицо, потом на гребень бруствера, в котором пуля прочертила отчетливую канавку.

— Почему они нас... Ведь нас всего четверо.

— Они не знают, сколько нас тут. А если бы знали...

— Ну да, — кивнул Семен, все думая о матери, о Наташе и об Ольке Королевой.

Он думал о них остаток ночи и все утро, они все странным образом представлялись ему людьми малознакомыми, существующими где-то в другом, далеком и нереальном мире. И неизвестно, непонятно было, зачем они встретились когда-то на его пути, особенно Наташка, девчонка с измученными глазами. Эта Наташка родила, кажется, от него дочь. Родит, может быть, и Олька Королева, но какой в этом во всем смысл?

Временами сознание прояснялось, и тогда он, вспоминая недавние свои мысли, весь холодел: «Что за чертовщина, умом, что ли, действительно трогаюсь? Наташка — жена ведь, и мать есть мать. Но как они там и что с ними? И как же у меня случилось с Олькой?»

А потом снова все смешалось, его охватывало полное безразличие ко всему, что происходило когда-то и что происходит сейчас.

— Ну да, — повторил он. — Они все равно полезут рано или поздно.

— А покуда ляг, Семен. Я плащ-палатку вот принес. Вот тут ляг, в воронке. Тут не печет. Тебе отдохнуть надо.

— Надо, — согласился Семен. — Что-то у меня, дядя Иван, в голове...

— Отойдет. После контузии бывает.

— Выберемся мы отсюда?

— А как же! Не в таких мы с тобой, Семка, переплетах бывали. Звезда наша удачливая. И теперь вывезет.

Говоря это, Иван расстилал плащ-палатку в глубокой яме. Крупнокалиберный снаряд когда-то угодил прямо в траншею, разворотил ее почему-то не по окружности, а полукольцом к вершине холма. Бруствер траншеи сделался еще выше, он-то и прикрывал единственное уцелевшее орудие во всей батарее, заметить его снизу было нелегко.

— Правда? — с детской надеждой спросил Семен.

— Ясное дело. Давай, ложись.

Семен покорно, с каким-то удовлетворением, с успокоенным выражением лица, лег. Прикрыл глаза, но тут же открыл их, поглядел на Ружейникова, который держал в руках принесенный Иваном котелок и ел кашу.

— А он говорит — сосенки-елочки...

— Мало ли чего? Я тоже так думал. Немца мы три раза отбили, отобьем еще... А тут, гляди, наши двинутся. Фронт же весь в наступлении. Отбросят немцев! Это они случайно прорвались и отрезали нас.

Ружейников что-то хотел сказать. Иван, заметив это, сделал ему знак рукой. Тот лишь усмехнулся, молча протянул котелок Магомедову.

Семен лежал без движения и глядел в блеклое небо. Затем встрепенулся и сел, вынул из нагрудного кармана перемятый листок.

— Дядь Ваня... Я письмо Наташке написал. Тут об Ольке... и обо всем. Я не подлец все же. Я не хочу ее обманывать. Так случилось, но я... не хотел Наташку тоже обижать. Хотя, наверно, ей это не понять. Но пусть знает, пусть знает... Ты ей пошли это письмо, если чего со мной. Обещаешь? А останусь жив — сам все ей расскажу. Я ее люблю, Наташку. Потому и расскажу все...

— Ладно, давай, — помедлив, сказал Иван, взял листок, не читая, спрятал в карман. — А теперь спи. Как чего — я тебя разбужу.

Семен, отдав листок, какое-то время еще глядел в небо. Потом медленно стал прикрывать веки. И едва прикрыл — задышал спокойно и ровно, провалился в сон, бездонный и глухой.

— Слава богу, — произнес вполголоса Иван, поднялся с колен, подошел к Магомедову. Тот протянул ему котелок с остатками каши. — Должон оклематься парень.

— Контузия-то тяжелая вроде, — качнул головой Ружейников. — Но перепонки целые. Это хорошо, что ты его успокоил... Сколько у нас гранат-то, Магомедов?

— Сорок две штуки еще. Мы с Савельевым ночью все немецкие автоматы собрали. Снарядов полно...

— Снарядов хватит. Артиллеристов нету, — сказал Ружейников, опять подходя к стереотрубе.

— Нас трое...

— Почему же? — Иван быстро опрастывал котелок. — Семен с пушкой тоже умеет обращаться.

— Значит, все четверо артиллеристы. Если он отойдет, Савельев... Ума не приложу все же, почему они нас в живых оставили? Ага, теперь понятно. — И Ружейников тяжело вдруг задышал. — Теперь понятно! Погляди, Иван Силантьевич...

Иван прильнул к стереотрубе, и жаркая волна, опаляя все внутри, прокатилась по телу, ударила в череп.

На рассвете Иван, вот так же глядевший в стереотрубу, рассмотрел лишь внизу торчавшие по всему склону и приречной луговине подбитые наши и немецкие танки. Отыскал взглядом и свою самоходку, развороченную взрывом. Она лежала на боку, вонзив в землю орудийный ствол. Подбитые машины уже сгорели, некоторые только жиденько дымили еще, дым стекал вниз, к блестевшей ленте речушки, заполняя по пути ямы и воронки, отчего они казались наполненными кипятком с паром. Сейчас картина была такой же, лишь пар над воронками поредел, земляные ямы дымились еле-еле, будто вода в них остыла. Но по противоположному берегу речушки шли колонны грузовиков, набитые немцами. Из-за расстояния шум моторов был совершенно не слышен, машины одна за другой появлялись из-за угора, откуда вытекала речушка, приближались к клинообразному лесному выступу, и почти каждый второй грузовик волок за собой пушку.

Оторвав бледное лицо от стереотрубы, Иван метнул взгляд на Семена. Освещенный лучами утреннего солнца, тот безмятежно спал, по-детски свернувшись калачиком, подложив сложенные ладони под голову. По бескровным щекам Ивана прошла судорога, скулы онемели, он через силу, с болью разжал губы и сказал неизвестно для чего:

— Пущай поспит напоследок...

— Магомедов, к орудию! Ставь панораму! — прохрипел Ружейников, поворачиваясь к стереотрубе. — Помирать будем сейчас, только с музыкой... Буди, Савельев, племянника... Всем к орудию!

Иван шагнул было к спящему Семену, но замер, услышав удивленный возглас:

— Сосенки-елочки!

— Что?

— Да глянь!

Ружейников снова уступил место у стереотрубы подскочившему Ивану, и тот увидел, в общем, прежнюю картину: вражеские грузовики с солдатами, с прицепленными пушками шли и шли вдоль берега, вытекая из-за угора нескончаемой вереницей. Но вместо того, чтобы разворачивать орудия в сторону высоты, как ожидали и Ружейников, и Иван, и Магомедов, немцы спокойно сидели в кузовах, а машины, огибая клинообразный лесной выступ, подступающий к самому берегу, устремлялись куда-то вдоль кромки леса, удаляясь от высоты.

— Непонятно, — произнес теперь и Иван, отрываясь от окуляров. — Там же, Магомедов говорил, непроходимые болота. Какого черта они туда пушки и войска гонят?

— Там болота, там болота, — кивнул дважды Ружейников, расстегивая торопливо планшет. Он извлек оттуда рваную карту, развернул, сел на дно траншеи. — Верно... Тут наша высота. Вот Жерехово. Речка эта прямо в болота и течет. За болотами деревушка Малые Балыки... Мы ее недавно отбили. Болота топкие, непроходимые. Какого черта немцам там надо? А?

— Не знаю, — сказал Иван, удивленный не меньше остальных.

* * *

Старший лейтенант Ружейников и рядовой Иван Савельев, запертые на высоте, не знали, что немцам нужно в болотах, зачем они гонят туда солдат и артиллерию, а командованию 215-й дивизии все было ясно.

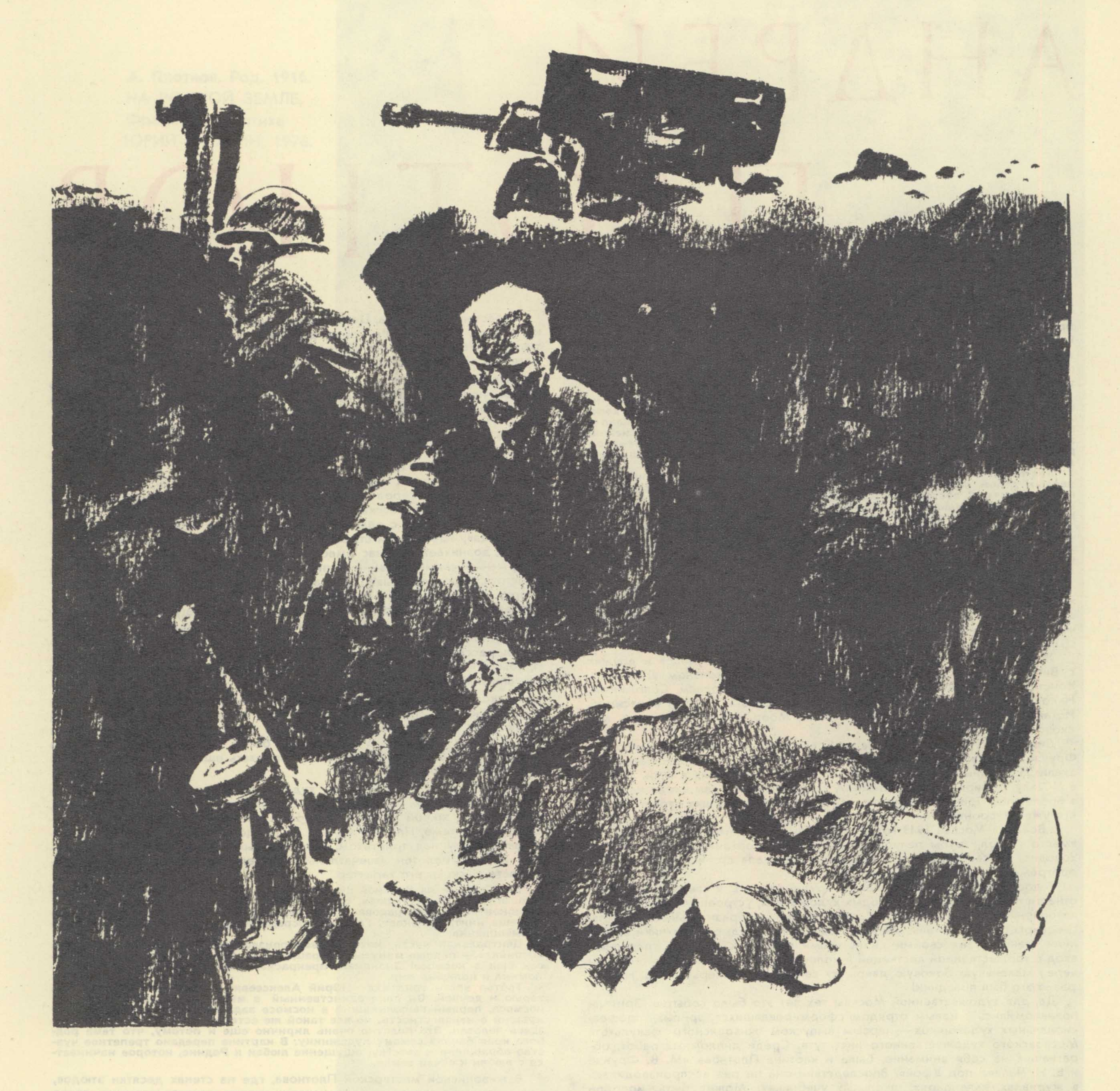
Немецкое контрнаступление силами двух моторизованных и одной танковой дивизий, несколько дней развивавшееся в направлении Жерехова, выдохлось, от вражеских соединений остались жалкие лохмотья. Не желая рисковать остатками своих войск, они решили до подхода подкреплений перейти к обороне, спешно принялись зарываться в землю к западу и востоку от высоты 162.4.

Сама высота оказалась в стыке боевых порядков двух немецких дивизий, как бы в ничейной зоне. Оставшаяся на высоте советская батарея остервенело оборонялась, и немцы, видимо, не могли пока договориться, кому нанести по батарее окончательный удар и уничтожить ее, или не особо спешили с этим, понимая, что батарея все равно обречена.

— Понятно, — сказал командир 215-й дивизии полковник Велиханов, когда начальник штаба доложил ему данные разведки. — И если мы дадим немцам укрепиться как следует, то...

— В общем-то помешать им мы уже не можем, Илья Герасимович.

КП командира дивизии располагалось на бывшей пасеке, в просторном деревянном омшанике, сохранившем еще запах меда. Посреди омшаника из пустых ульев было сложено нечто вроде стола, на котором лежали оперативные карты, в углу на таких же ульях стояло несколько полевых телефонов, провода от них по вбитым в стены гвоздям тянулись к оконному проему без рамы. В этот проем дул теплый ветер, заносил в омшаник мух и лесных пчел.

У противоположной стены сидела какая-то молодая и красивая, кажется, женщина, только грязная и растрепанная. В руках она, обняв ладонями, держала кружку с горячим чаем, сдвинув густые брови, дула в эту кружку. Демьянов поглядел на нее с удивлением.

— Не можем... А с чего бы это они еще и вдоль болот окапываются? — Велиханов склонился над картой.

— Не имею понятия,— сказал Демьянов.

— А я догадываюсь, товарищ подполковник. Взятый на рассвете язык показал — немцам уже известно, что к нам прибыла штрафная рота. И они боятся, что рота может ударить здесь.

— Через болота? Но это невозможно! — воскликнул начальник штаба.

— Возможно. Через болота три-четыре тропы есть. Я с батькой укажу.

Это проговорила женщина с кружкой. Демьянов опять глянул на нее. Женщине это будто не понравилось, она угрюмо сверкнула мокрыми глазами, встала и вышла из омшаника. Когда поднялась, под измятой черной юбкой обозначился круглый живот — женщина была беременна.

Демьянов ничего у командира дивизии не спросил, только поднял вопросительный взгляд.

— Ее Алексиной зовут,— сказал полковник. — Немцы ее изнасиловали еще зимой. Пришла попросить, чтобы военные медики аборт ей сделали.

— Вот как?!

— У нас, говорю, нет таких специалистов... Да и поздно, судя по всему. Плачет вот... Как с эвакуацией раненых?

— Делаем что можем, — пожал плечами Демьянов.

— Да немцам укрепиться мы помешать не в состоянии.— Велиханов взял карандаш, обвел на карте кружком пространство между лесом и болотами.— Пленный показал, что завтра к полудню они подкреплений ждут из Орла.

— Кроме того, в любой момент немцы могут перекинуть сюда войска с соседних участков.

— Могут. И поэтому не позже, чем на рассвете, надо нам эту пробочку вышибить, иначе мы тут надолго застрянем. К счастью, нам придается еще артиллерийский полк, как раз завтра к рассвету прибудет. А штрафная рота ударит все же здесь! — Командир дивизии ткнул карандашом в кружок на карте.— Через болото. Нам важно в стык немецких дивизий вбить клин, рассечь вражескую оборону. Как только мы это сделаем, немцы, боясь окружения, попятятся.

Продолжение следует.

АНДРЕЙ ПЛОТНОВ

Н. ФИЛАТОВА

Кто может сказать, когда будущий художник впервые чувствует свое призвание, когда начинает понимать, что это путь его жизни? Во всяком случае, биографы многих мастеров начинали свой рассказ сообщением о том, что рисовал их герой всегда, с тех пор, как себя помнит. И наш рассказ об Андрее Ивановиче Плотнове может начаться так же.

Плотнов вырос в деревне. Его мать была неграмотной женщиной, но она знала, что всякое хорошее дело начинается с доброго сердца, хорошего характера и душевной твердости. Верхне-Павлово расположено в верховьях Дона, где поэтичны весны, щедры лета, ярки осени и снежны зимы. Здесь будущий художник получал первые впечатления, первые радости от смены времен года, здесь начал рисовать. А учился в школе в городе Данкове, ныне Липецкой области.

Как-то на каникулы Андрей приехал в Москву к родственникам и первым делом пошел в музей — Третьяковскую галерею, изобразительных искусств. С восторгом рассказывал он брату о том, что увидел, какие картины, скульптуры, рисунки — настоящее прекрасное искусство. И старший брат уговорил семью отправить Андрея в Москву учиться.

После средней школы выбор был сделан — художественный техникум. Желающих поступить оказалось много. Андрей принес на экзамен свои акварельные краски — ничего другого он тогда не умел. Но экзаменационная комиссия оценила непосредственность, которой были отмечены произведения юного художника.

В 1936 году Игорь Грабарь набирал первый курс создаваемого им живописного факультета Московского художественного института. Он отбирал способных молодых людей, сам ездил в школы, смотрел отчетные выставки. В художественном техникуме он отобрал лучших: Цыплакова, Толкунова, Правдина, Плотнова.

Жизнь Андрея Ивановича сложилась удачно — он учился и дружил с Виктором Цыплаковым, Василием Нечитайло, Степаном Дудником, Константином Максимовым, Юрием Кугачом, Николаем Соломиным, Николаем Горловым и другими. Учили их Грабарь, Сергей Герасимов, Иогансон, Дейнека, Шегаль, Осьмеркин, Моор. Так продолжалась московская школа живописи.

Дипломную работу Плотнов выбрал историко-революционную — о Фрунзе. Вместе с Цыплаковым, который собирался писать Чапаева, поехали за этюдным материалом в Уфу. Война застала их в пути. Домой, в Москву, добирались с бойцами. А вскоре Плотнов сам шагал на запад в ополчении. Приказ о демобилизации студентов старших курсов догнал его уже на фронте.

...Военная Москва 1943 года, заклеенные крест-накрест окна, фанера вместо стекол, трубы печурок, торчащие из форточек. Было голодно, холодно, и все-таки радость все чаще посещала столицу. В том году прогремел первый салют.

Радости были большие и малые. Трудно сказать, к какой из них надо отнести первую выставку молодых художников, устроенную в холодном, нетопленном, но всегда прекрасном Музее изобразительных искусств. Шедевры были спрятаны, залы пустовали. И молодые художники заполнили стены музея своими дипломными работами. Правда, парадный вход с торжественной лестницей и колоннадой был закрыт, зрители шли через маленькую боковую дверь, ту самую, где теперь выход. Но все равно это был праздник!

Да, для художественной Москвы тех лет это было событие. Зрители познакомились с новым отрядом сформировавшихся, зрелых, профессиональных художников — первым выпуском живописного факультета Московского художественного института. Среди дипломных работ, обративших на себя внимание, была и картина Плотнова «М. В. Фрунзе и В. И. Чапаев под Уфой». Впоследствии она не раз воспроизводилась в журналах, календарях, школьных учебниках. Может быть, молодой художник и не успел собрать достаточный исторический материал, но жизненный опыт живописца удесятерила грозная реальность. Ему не надо было придумывать, он все увидел, узнал и почувствовал: недавние эпизоды боев, лица, батальные сцены — это помогло построить композицию уверенно и четко.

Еще шла война, когда Соколов-Скаля создал при Главном управлении пограничных войск художественную студию, перед которой стояла важная задача: запечатлеть в рисунках, живописных полотнах, скульптурных образах подвиг народа, лица героев, сцены сражений — документы великой битвы. Соколов-Скаля знал дипломную работу Плотнова и пригласил его в свою студию. Художник уехал на передовую, на этот раз с палитрой, кистью, этюдником.

Сохранились зарисовки: 43-й год, битва на Курской дуге; Севастополь 44-го года — панорама города, из которого только что в жесточайшем бою выбит враг. По настроению рисунка видно, что здесь прошел последний бой, что близится победа. На материале, собранном при освобождении Севастополя, впоследствии вместе с Соколовым-Скаля была написана картина «Штурм Севастополя 9 мая 1944 года», приобретенная затем Русским музеем.

В этюдах изображен эпизод войны, не снятый ни фотокорреспондентами, ни кинооператорами, показывающий бессмысленную жестокость отступающего врага: железнодорожные составы с техникой, ранеными немецкими солдатами, сброшенные фашистами под откос при отступлении.

Севастополь, Одесса, Центральный фронт, Дальний Восток. Зарисовки, этюды, наброски. Во время работы над картинами в Москве — активное участие в выпуске «Окон ТАСС». Больше двадцати политических плакатов создал художник в годы войны.

...Плотнова интересуют все жанры живописи, в его творчестве они как бы проникают один в другой. Он писал картины на исторические темы, воспроизводил в своих композициях реальные факты, события, лица. Поездки к рабочим и колхозникам на Волжскую и Горьковскую ГЭС, на строительство Волго-Донского канала, на целину, к пограничникам на Курильские острова, в Забайкалье, на среднеазиатскую и западную границы завершались картинами. В больших композициях мы видим интересные характеры, ситуации, пейзажи. А в портретах образ героя убедительно дополняют элементы жанровой картины. Художник рассказывает о роде занятий, о месте, где живет и работает его герой, с кем он дружит. «Первый комендант Берлина», «Птичница», «Целинники строятся», «Рихард Зорге» — здесь каждый характер возникает для нас вместе с ощущением времени и событий. Сдержанно скомпонован и написан портрет Елены Петушковой. Его простота, строгость выявляют характер чемпионки мира по конному спорту. Яркая лента с прикрепленными к ней наградами, красочное пятно цветов создают торжественное настроение и ощущение радости от знакомства с этим скромным, волевым, красивым человеком.

Плотнов пишет всегда. Он побывал во многих странах. И все, что видел, рассматривал с кистью в руках. Для него видеть — значит писать. И, пожалуй, известный его друзьям маленький карманный этюдник сродни записной книжке писателя.

Несколько лет назад в жизни Андрея Ивановича произошло важное и радостное событие — в его мастерскую пришел Ю. А. Гагарин. Этюд к портрету был написан за один сеанс. Во второе посещение Юрия Алексеевича работа была продолжена более обстоятельно. Результаты понравились Гагарину. Он собирался приехать еще и еще раз, но жизнь его трагически оборвалась.

То, что успел тогда сделать художник, значительно не только по своим живописным достоинствам. Это подлинный документ истории, дорогой нам живой памятью о первом космонавте Земли. Прикоснувшись к этой теме, Плотнов не мог не продолжить ее. Сейчас он заканчивает работу над триптихом, посвященным Юрию Гагарину. В каждом из трех полотен запечатлены значительные минуты в жизни космонавта, раскрыт его характер.

Вот Гагарин на Красной площади, перед полетом он пришел к Мавзолею. Мимо него идут люди, скоро они увидят его фото в газетах, будут беспокоиться о нем, радоваться за него, гордиться им. Но в эти минуты его еще никто не знает. Гагарин сосредоточен, собран, углублен в свои размышления.

Центральная часть, которая воспроизводится на цветной вкладке «Огонька»,— первые минуты возвращения на Землю. Свершилось — человек был в космосе! Знакомая, прекрасная улыбка, которую вскоре запомнил и полюбил мир.

Третья часть триптиха — Юрий Алексеевич в родных местах с матерью и дочкой. Он пока единственный в мире, увидевший Землю из космоса, первый выполнивший в космосе задание Родины, первый шагнувший в неизвестность, но все такой же естественный, простой, родной здесь человек. Это полотно очень лирично еще и потому, что тема родного края близка самому художнику. В картине передано трепетное чувство обращения к детству, ощущение любви к Родине, которое начинается с любви к отчей земле.

В живописной мастерской Плотнова, где на стенах десятки этюдов, где множество завершенных и начатых картин, хочется вспомнить слова М. В. Нестерова, обращенные к молодым художникам. Их Плотнов оценил в юности и старался воплотить в своем творчестве:

«Крепко желаю вам, чтобы вы познали природу и ее украшение — человека. Учиться можно не только в школах, академиях, у опытных учителей, можно и должно учиться всюду и везде, в любой час. Ваше внимание, наблюдательность должны постоянно бодрствовать, быть готовыми к восприятию ярких, происходящих вокруг вас явлений жизни. Природу и человека надо любить, как «мать родную», надо полюбить их со всеми их особенностями, разнообразием, индивидуальностью. Все живет и дышит, и это дыхание нужно уметь слышать, понимать».

Андрей Иванович любит свою родную землю, свой Данков, расположенный на правом берегу Дона. Сейчас этот древнерусский город отстраивается, растет — он стал городом химиков. С ним связана еще одна страница биографии Плотнова.

Лет десять назад, приехав на родину, художник зашел в Данковский народный краеведческий музей, организованный силами общественности по инициативе старых учителей. Экспозиция, созданная старыми и юными краеведами, рассказывала об истории города, о земляках, чьи подвиги знает страна. И, принимая эстафету служения родному краю, Андрей Иванович задумал организовать в городе картинную галерею. Он обратился к московским художникам, и его предложение не осталось без ответа. Данковский краеведческий музей оказался да-

А. Плотнов. Род. 1916.
НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ.
Фрагмент триптиха
ЮРИЙ ГАГАРИН. 1976.

На развороте вкладки:

А. Плотнов. ЗИМНИЙ ВЗЯТ.
1967.

А. Плотнов. ЧЕМПИОНКА МИРА ЕЛЕНА ПЕТУШКОВА. 1971.

«ПЕРЕВЕРТЫШИ»

читатели продолжают разговор

В № 21 «Огонька» за этот год был опубликован очерк «Перевертыши». В нем шла речь о судебном процессе, в ходе которого выявилось поразительное нравственное убожество, лицемерие, двуличие свидетелей — старшеклассников одной из столичных школ. Очерк вызвал много откликов. Читатели поднимают проблемы, ставят вопросы, и не затронутые в «Перевертышах».

МЫ ПУБЛИКУЕМ НЕСКОЛЬКО ПИСЕМ И ПРЕДЛАГАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ДАЛЬНЕЙШЕМ ОБСУЖДЕНИИ ОЧЕРКА.

Еще до войны я слышала изречение: «Хорошая жизнь портит человека». Но думаю, что это неверно. Если это человек с большой буквы, то его не испортит достаток. Об этом правильно пишет Жанна Орлова в очерке «Перевертыши».

Значит, дело не в том, что у Люсиной мамы имеются редкостные драгоценности, не в ее максимальной обеспеченности. Просто эта женщина и ей подобные — уроды в нашей семье, псевдоинтеллигенция с очень низкой внутренней культурой. Именно собственную духовную нищету такие и пытаются прикрывать солидным фасадом. Но ее ничем не прикрыть — ни золотыми ожерельями, ни отличными аттестатами.

Таким, как эти родители, чужды простые истины, святые для нас. Они не задумываются над тем, что наша обеспеченная жизнь добыта безмерными лишениями и горестями миллионов людей, пожертвовавших всем, часто и жизнью, чтобы кто-то мог учиться, быть нарядным и счастливым. А ведь мальчики, которые погибали на войне за нас с вами, так хотели жить...

Моральный урод опасен тем, что вокруг себя плодит уродов. Считаю, что нужна статья закона, как-то наказывающая нерадивых родителей, подобных описанным в «Перевертышах».

Отличным помощником нерадивых родителей является отсутствие дисциплины в школах. Считаю, что дети должны являться на занятия без украшений, не в мини, напоминающих фиговый листок, и не в макси, похожих на монашескую рясу. Да и сами учителя должны подумать о своей одежде, должны понимать, что они находятся в школе.

Как-то я проходила мимо нашего педагогического института и...— прошу меня извинить! — внешнее оформление студентов не соответствует высокому назначению, к которому они себя готовят. Нужны меры, исправляющие этот промах.

Л. А. АЛЕКСАНДРОВА

Липецк.

●

Я пенсионерка и училась еще в дореволюционной гимназии. Мне совестно отнимать у редакции время и все же не могу не высказать некоторые соображения.

Наша общественность как будто бы большое внимание уделяет внешности школьника: повсюду введена форма, все дети ее носят. Но как носят! У девочек-старшеклассниц минииюбки и платформы на босу ногу, что совершенно не соответствует стилю формы, прически, как у взлохмаченных болонок, в ушах — серьги, на пальцах — кольца (если нет настоящих драгоценностей, носят фальшивые). Все это, на мой взгляд, совершенно недопустимо в школе.

Даже в дореволюционной гимназии, где учились дети весьма состоятельных родителей, строго запрещалось носить какие-либо украшения, даже часы. Если начальница вдруг обнаруживала у какой-нибудь девочки драгоценность, то это был скандал на всю гимназию. Вещь немедленно отбиралась и передавалась родителям. Девочке в этот день запрещалось присутствовать в классе. И представьте, действовало! Даже среди купчих не находилось ни одной, которая бы, как мать Люси, осмелилась посоветовать дочери не слушаться педагогов и продолжать носить драгоценности. Любая мать была вынуждена считаться с общественным мнением.

То же самое хотелось бы сказать и о школьниках-мальчиках. На них новая форма, а головы все тех же болонок, на руках браслеты и кольца, на карманах — брелоки и броши. В булочной я иногда встречаю школьника-пионера. Не знаю, кто его родители, но мальчик скромный, выглядел подтянуто, аккуратно. И вдруг стал носить крупный перстень с фальшивым камнем. Как-то он стал в очередь прямо за мной. На шее пионерский галстук, а на пальце — «алмаз». Я не выдержала и спросила:

— Разве школьнику можно носить перстень? Тебе не сделали замечания в школе?

Он посмотрел на меня изумленно и ответил:

— Что вы, бабушка! У нас многие носят. И никто не запрещает. Ведь это же хорошо, что носят кольца.

Хорошо ли?! Даже если камень настоящий и само по себе кольцо прекрасно, на пальце ребенка оно отвратительно.

Таким образом, и родители и школа во многом предопределяют появление таких, как Люся. В частности, стало общепринятым не обращать внимания на вечернее времяпрепровождение школьников. Пусть гуляют, как хотят и сколько хотят, взрослым лучше уйти и не мешать. Это считается, как ни странно, хорошим тоном. Я знаю несколько семей, где дети, в том числе девочки, вообще не возвращаются домой раньше 10—11 часов вечера. А ведь одно время у нас строго, но, к сожалению, очень недолго соблюдалось прекрасное правило: дети до 16 лет после 9 часов вечера не могли появляться на улице без взрослых.

Жанна Орлова пишет, что девочки были отличницами. Возможно! Но было ли их интеллектуальное развитие подлинно высоким? К сожалению, я знаю отличницу-старшеклассницу, которая, добросовестно приготовив уроки, отправляется на коммунальную кухню и именно там проводит остаток дня, с удовольствием впитывая кухонные сплетни. В руках у этой девочки я никогда не видала книги, кроме тех, которые «задано» прочитать.

Считаю, что настоящий отличник должен знать не только то, что проходили, но и многое сверх того, должен быть человеком всесторонне развитым. Не слишком ли мало требует школа от отличника? Не слишком ли легко раздает отличные аттестаты?

Как-то раз я, в пределах школьной программы, беседовала с молодыми людьми, окончившими десятилетку на «хорошо» и «отлично». Почти на все мои вопросы они отвечали: «Не помним. Мы это проходили три года тому назад». И я подумала: «Как же так? Ведь я это «проходила» несколько десятков лет назад. Но почему-то же помню!»

Часто, отдыхая на бульваре, оказываюсь рядом со школьниками. О чем же они говорят? О прочитанных книгах? Редко. Чаще о модах, о сплетнях. Школьников водят в музеи, на выставки. Но и там многие, не слушая экскурсовода, продолжают обсуждать моды. Почему же им не делает замечания присутствующий тут же педагог? Почему мы все смирились с существующим положением вещей? Ведь именно на такой питательной среде произрастают Люси.

Н. В. БЕБУТОВА

Москва.

●

«Перевертыши» вызывают много вопросов, которые в очерке, в общем-то, остались неразрешенными.

Прежде всего удивляет и возмущает решение суда: почему пострадали только эти, недоразвитые, подростки? Почему остались в стороне дети полностью развитые, но с недостойным поведением их родителей, которое без преувеличения можно назвать растлительным? Разве можно было ограничиться только разговорами по поводу таких людей, как родители Люси да и родители всех ребят, выступавших на суде в качестве свидетелей?

Почему в очерке не сказано о том, какую реакцию комсомольской организации школы вызвало лицемерие свидетелей? И неужели никто не выступил против решения суда? Возможно, вы что-то недописали и этим вызвали массу вопросов. Наше беспокойство всей этой историей вызвано тем, что все мы имеем несовершеннолетних детей. Что будет, если им придется столкнуться в жизни с такими вот Люсями, Галями, Анатолиями, которые живут со спокойной душой, уверенные в правоте своих поступков. Вот почему с такой тревогой восприняли мы этот очерк.

Врачи Л. ПЕРМЯКОВА,
Л. САМОЙЛОВА,
медсестра С. ГИРЯ

Элиста.

●

В очерке «Перевертыши» подняты злободневные вопросы: взаимоотношения семьи и школы и их влияние на воспитание детей. Очерк может побудить некоторых родителей внести коррективы в воспитание своих дочерей.

Только вот я не понимаю, как можно писать о школьных делах, не указав, какую роль в воспитании старшеклассников играет комсомольская организация той школы, где учатся Люся, Люба и Галя. Ведь недостатки, обнаруженные в работе комсомольской организации этой именно школы, могли бы предостеречь от подобного и комсомолию других школ. Это замечание, по-моему, следует учесть редакции журнала в дальнейшем, когда речь в «Огоньке» пойдет о жизни школы и иных учебных заведений.

А. Б. ГЕНИН,
член КПСС с 1930 года
(комсомолец с 1922 года)

Ленинград.

же мал для прекрасных даров скульпторов, живописцев, графиков. Сюда прибыли работы С. Герасимова, Н. Томского, В. Ефанова, Н. Ромадина, Г. Нисского, В. Цыплакова, К. Максимова, Н. Толкунова, В. Цигаля, В. Нечитайло, Н. Соломина, многих других художников и, конечно, картины Плотнова.

Данков получил свою художественную галерею. В весенний день 1968 года на центральной площади города состоялся необычный митинг. Собралось около трех тысяч человек, приехали даже из соседних деревень на радостный праздник искусства — открытие своей, данковской «Третьяковки».

Галерея растет — теперь это собрание, имеющее большую художественную ценность. И один из ее создателей, А. И. Плотнов, удостоен звания почетного гражданина города Данкова.

Уже несколько лет Андрей Иванович работает в комиссии Союза художников РСФСР по культурному шефству над сельскими районами и крупными промышленными предприятиями. По инициативе этой комиссии и с ее помощью «Малые Третьяковки» появляются в самых удаленных от столицы селах и городах. «Колхозники и все трудящиеся Приаргунского района,— пишут Плотнову из Читинской области,— всегда будут благодарны Вам как непосредственному организатору такого замечательного очага культуры, как сельская картинная галерея в колхозе имени Лазо». Такие же благодарственные телеграммы и письма приходят от воинов Забайкалья, от учителей села Ульяново, из удмуртского поселка Ува, от металлургов Липецка...

Выдающийся русский критик В. В. Стасов, чья энергичная деятельность сыграла огромную роль в борьбе за народность, за реализм русского изобразительного искусства, за пропаганду художественной культуры, мечтал о том, чтоб в стране было «несколько центров, куда бы собирались произведения национального искусства, куда бы они шли постоянной живой струей и могучим потоком и где бы их мог всегда находить весь народ, как свое драгоценнейшее достояние... И в самом деле,— писал он,— своя собственная художественная школа народилась, и на ноги поднялась, и выросла, и возмужала, и сильно похорошела: как же такой дорогой гостье не отвести почетной квартиры».

Сегодня этой дорогой гостье отводят почетные квартиры. В том немалая заслуга заслуженного художника РСФСР Андрея Ивановича Плотнова, который еще в детстве, в селе на берегу Дона, под своим данковским небом понял, что всякое хорошее дело начинается с доброго сердца и увлеченности.

Творчество художника в расцвете. И если оглянуться на пройденный им путь, можно отметить и оценить еще одно прекрасное качество — верность. Он верен своему краю, искусству, верен реализму, той московской живописной школе, которую получил в художественном институте и старался воплотить в своих полотнах.

К 75-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
И. В. ИЛЬИНСКОГО

ПОМОГАЯ ДОБРУ

Осенью прошлого года Москва отмечала юбилей известного советского писателя-сатирика; были преподнесены подарки, читались остроумные адреса; шли даже целые концертные номера. Юбиляр шутливо всех благодарил, и зал был настроен соответственно: еще бы, юбилей-то отмечал сатирик!.. Настала очередь Игоря Ильинского поздравить своего старинного друга — еще в гимназии вместе учились. Ну, ждали все, вот сейчас позабавит!.. Но артист преподнес совсем иной драгоценный подарок. «Лев Толстой, «Детство»,— начал он читать...

Признаться, мы не сразу переключились — уж очень резким показался переход от шутливых номеров к вершинам духа. А тем временем гений Толстого, проникновенно донесенный до слушателей, сделал свое дело — все мы уже были там, в «счастливой, счастливой невозвратимой поре детства»...

Безоблачным было и детство самого Игоря Ильинского: любимый сын, он рос в интеллигентной семье московского врача. Раннее приобщение к театру и литературе и так называемое «свободное воспитание», когда ребенка не заставляют ничего делать насильно, а только ставят ему «вехи», на которые он может ориентироваться... Из всех отроческих увлечений к шестнадцати годам определилось одно. «Театр уже безгранично владычествовал надо мной»,— говорит Игорь Владимирович.

Рано началась творческая жизнь, заполненная часами и днями кропотливого труда и уже полная с самой юности затаенной веры в свои силы, поисков, переходящих в озарение.

Совсем молодым он стал работать в театре Вс. Мейерхольда. Лозунг о создании театра, созвучного эпохе, был близок Игорю Ильинскому. Театральный маг, неподражаемый импровизатор, замечательный, хотя и не всегда последовательный педагог, глубокий мыслитель — таким был «Мастер»; соприкосновение с ним обогащало любого художника. Под руководством Мейерхольда Ильинский создал одну из лучших своих комических ролей — Аркашку в «Лесе» Островского. Люди старшего поколения хорошо помнят, как Аркашка — Ильинский, сидя на специальном помосте, так ловко и увлеченно ловил рыбу, что каждая «пойманная» рыбка награждалась аплодисментами.

Новому театру нужны были новые драматурги. Таким стал для театра Мейерхольда Владимир Маяковский. Он принес только что написанную им пьесу «Клоп», где Ильинскому поручили играть Присыпкина. Началась интереснейшая работа под руководством уже двух мастеров... Маяковский тогда сам прочел несколько отрывков из пьесы. Помните: «...Требую, чтоб была красная свадьба и никаких богов!..»

И. В. Ильинский вспоминает, что в этой фразе сначала громыхал пафос, а затем весь пафос сходил на нет, когда просто, неожиданно просто Маяковский добавлял: «Во!» И от этого неуверенного и тупого «добавка» вырастал весь образ «героя». Актер стал показывать его «монументальным холуем и хамом».

Игорь Владимирович, пожалуй, самый популярный киноартист — от «Аэлиты», выпущенной в 1924 году, до наших дней... Кто не помнит фильмов с его участием? «Закройщик из Торжка», «Процесс о трех миллионах», «Праздник святого Йоргена»... А сыгранные им Бывалов в «Волге-Волге» и Огурцов в «Карнавальной ночи» стали нарицательными. Но жаль, что с тех пор не было пока ролей подобной силы.

— Сценариев для кинокомедий мало,— сожалеет Игорь Владимирович.

Шли годы... И как раз тогда, когда артист был в зените славы — успех в кино, в театре, на эстраде,— Ильинский почувствовал странное беспокойство, какую-то неудовлетворенность своей творческой жизнью. Хотелось глубже, полнее поделиться со зрителями своими личными мыслями, чувствами художника. Психологические глубины увлекали артиста больше, чем чисто внешняя сторона — трюки и забавные штучки, которым прежде он уделял столько внимания... Своеобразной «отдушиной» стало для Игоря Владимировича художественное чтение на эстраде. Оно приобрело для него громадное, даже первостепенное значение прежде всего тем, как он сам замечает — «что я читал то, что соответствовало моему «я»; все это было органически «мое».

Он читает много: басни И. Крылова и С. Михалкова, детские стихи С. Маршака и К. Чуковского... Но самой большой его творческой радостью стала работа над «Старосветскими помещиками» Н. В. Гоголя. Готовилась она долго, примерно год. Артист вспоминает, что, работая над повестью, обливался слезами, закрывшись в своей комнате... Эти занятия давали ему чувство духовного освежения: он жил думами героев, их печалями, плакал их слезами.

Ильинский читает эту повесть с эстрады и на радио уже больше двадцати лет, но только теперь, как он говорит, пришел к ощущению своего мастерства, хотя и сейчас еще продолжает работу над «Старосветскими помещиками».

И еще один автор — любимый, великий Лев Толстой... Ильинского покоряет и волнует в Толстом любовь к лучшему, что есть в человеке, вера в светлые стороны души, в то, что именно эти стороны в конечном счете могут победить зло.

Приступая к работе над образом Акима во «Власти тьмы» Л. Н. Толстого на сцене Малого театра, Ильинский хотел выразить всю огромную любовь к Толстому и поэтому как художник раскрылся в новом качестве. Привычные комические персонажи отступили: их заслонил образ человека простого и ясного, верящего в добро, в совесть. В трактовке этого образа Ильинский доходит до трагических глубин. В Акиме покоряет непосредственность души, которая, считает артист, ценнее всего в людях.

Совсем недавно в Малом театре читалась пьеса И. Друцэ о последних днях жизни Л. Н. Толстого. Мечта артиста — сыграть на сцене роль великого старца. А на телевидение перенести спектакль по роману У. Теккерея «Ярмарка тщеславия», где Ильинский выступает еще как сценарист и режиссер. Ну, и, конечно, продолжать концертную деятельность, помогая добру слезами и смехом.

Н. БУМАГИНА

возвращаясь к

«ТВ: ЕЩЕ

Как приспособить телевидение к нуждам людей, лишенных слуха? Иначе говоря, как превратить речь, доступную уху, в речь, понятную глазу? Этой проблеме была посвящена статья «ТВ: еще одна забота», опубликованная в № 51 «Огонька» за 1974 год. С тех пор и по сей день идут в редакцию отклики на статью. Сначала читательские письма, самые разные, объединяли и надежда, и тревога, и забота: почему Центральное телевидение не организует передачи, сопровождаемые субтитрами? Недавно тон всех писем изменился: стал радостным, окрыленным.

«Журнал «Огонек» помог как бы золотым ключом открыть людям, «слышащим» только глазами и голодным до всего хорошего, дверь в удивительный мир искусства»,— радуются участники любительской киностудии при Московском Доме глухих.

Что же произошло? Об этом пишет нам читатель А. Ямпольский: «Еще совсем недавно казалось, что появление в программе Центрального телевидения передачи для глухих просто невозможно. И вот 30 мая мы имели счастье смотреть «нашу собственную» передачу... Думаю, что передачи для глухих будут интересны всем, надписи этому не помешают, а возможно, даже улучшат оформление передач».

Итак, 30 мая состоялась первая телепередача для людей с недостатками слуха: Центральное телевидение показало художественный фильм «Семь невест ефрейтора Збруева» в сопровождении суб-

БОЛЬШАЯ ПОЭЗИЯ

Шорцы...

Что мы знаем о них — узкоглазых охотниках и рудознатцах, одном из тридцати народов, населяющих Сибирь? Об их самобытной культуре? Почти ничего и неоткуда было узнать. Появились в свое время две-три книги, но таким тиражом, что достать их было невозможно.

И вот перед нами новая книга — «Волосяная струна», куда вошли произведения устной поэзии горных шорцев.

...Зимними вечерами в центре Москвы бабушка моя рассказывала о невозвратной юности, о далекой и туманной родине своей — Горной Шории. Сощурив глаза, похожие на глаза языческих божков, вспоминала она, как бьется в реке таймень, как цветут в горах весной маки и тюльпаны, как поют бродяги кайчи, ударяя по струнам комуса, как медведь ревет на горе Торбаган... Потрясенно слушал я сказки, предания и песни, которые она пела на странном гортанном наречии...

Угнетаемые баями и царской администрацией, оттесненные в болотистую тайгу Кузнецкого Алатау племенами жестоких джунгар — гонимые, не имевшие даже своей письменности, шорцы пронесли через века свой прекрасный фольклор. Будем благодарны всем, кто сохранил для нас эти песни и баллады.

Не могут не тронуть и удивить такие, например, строки, рассказывающие, о чем журчит река:

Может быть, о том, как лоси
К ней на водопой приходят,

Волосяная струна. Стихи и поэмы. Перевод с шорского. М., «Современник», 240 стр.

напечатанному

ОДНА ЗАБОТА»

титров. А потом и другие кинокартины: «Судьба человека», «Саженцы», «Улица», «Свет далекой звезды», «Укрощение огня»... Словом, теперь те, кто лишен возможности слышать, нетерпеливо ждут четверга, когда вечером по третьей программе идут для них передачи. Нетерпеливо не только потому, что телевидение наконец оправдало их надежды, но и потому, что до сих пор титры были четкими, легко читались, точно совпадали с изображением, хорошо передавали содержание диалогов. И во всех письмах, присланных в редакцию, люди сердечно благодарят Центральное телевидение за то, что голубой экран стал доступен для тех, кто «слышит только глазами».

После первых субтитрированных передач мы позвонили на телевидение и передали благодарность читателей П. А. Сатюкову — главному редактору Главной редакции научно-популярных и образовательных передач.

Павел Алексеевич рассказал:

— Подготовка к показу титрированных фильмов велась около полугода. Надо было досконально обсудить и продумать это важное и новое дело, наладить связи с Госкино, обсудить программу показа. Сейчас Госкино предоставляет третьей программе кинофильмы с титрами, их переписывают на видеоленту, это изображение мы и видим на домашнем экране. В подготовке передач участвуют две бригады. В их составе — режиссер, ассистент режиссера, редактор и референт.

Какова география новых передач? Уже теперь у них довольно обширная аудитория: двадцать областей России, Белоруссия, Украина, Молдавия, Латвия, Литва. В дальнейшем же орбита показа значительно расширится.

Для организации новых телепередач многое сделала комиссия ВЦСПС по работе среди глухих рабочих и служащих. Как же оценивает эти передачи заместитель председателя комиссии Н. А. Буслаев? Оценивает высоко, но вместе с тем выражает и кое-какие пожелания на будущее. Качество показа хорошее, только, к сожалению, две нижние строчки титров не умещаются на экране. Надо устранить этот недостаток. Далее. Хотелось бы, чтоб телевизионное новшество стало доступно жителям всех республик страны. И еще. Третья программа сейчас ведет такие передачи только раз в неделю. Маловато для людей, которые лишены возможности даже слышать радио. Нельзя ли показывать титрированные фильмы почаще? Может быть, использовать для этой цели и четвертую программу? И, наконец, последнее: теперь, когда уже сделан первый шаг в столь важном деле, следует подумать о расширении субтитрированной программы. Людям, лишенным слуха, нужны и передачи наподобие «Времени», и научно-популярные фильмы, и телерепортажи с разных выставок. Не только развлекать, но и просвещать, воспитывать!

Ч. ВЕРИНА

Смотрят в воду и, увидев
Отражения с рогами,
Принимаются бодать их,
Как соперников нежданных;
Может быть, о том, как рыси
В это время к ним крадутся
На подушках лап, неслышно,
И о том еще, быть может,
Как удачливый охотник
У воды костер разводит...

Люди в поэзии шорцев составляют одно целое с окружающей природой, которую считают они матерью и кормилицей. Шорцы — исконные охотники и металлурги — зачастую отождествляют себя с тайгой, горами, небом, зверями.

Поэзия шорцев поражает своей необыкновенной красочностью, богатством образов, в ней нет ничего лишнего, краткость и лаконизм доходят порой до афористичности. Не только сознание бренности бытия волнует певцов, но и желание принести пользу, быть нужным постоянно слышно в их песнях:

Тоскует родник о звенящем
ковше,
А гриб белоногий — об остром
ноже,
А туча — о ветре:
подул бы свежей!..
Тоскую и я, как они:
Умчи меня!
Срежь!
Зачерпни!

В сборнике представлен народный эпос «Алтын-аар — золотая пчела». В основу его легли исторические факты борьбы шорского народа с завоевателями — джунгарами. Из-за Саян приходит весть, что несметные племена джунгар надвигаются на шорцев. Расширить свои владения для борьбы с русскими хотят джунгары. Шорцы обращаются за советом к двум алыпам-богатырям Темир-кану и Кан-Мергену. Что делать? Как быть? Мнение разделяется: Кан-Мерген предлагает отсидеться в пещерах, пока двое сильных будут биться, и когда один погибнет, а другой обессилеет,— выйти из пещер. Алып Темир-кан предлагает другое: объединиться с русскими братьями и разбить джунгар. Здесь и начинает свое развитие основная линия эпоса: единство с русскими, честность души и мужество — вот залог победы. Следуя за Темир-каном, шорцы приходят к победе.

Темир-кан — богатырь-мудрец. Это шорский Гайавата. Его мужество, его вера в русских братьев приводят шорцев к победе. В этом образе воплощена народная мудрость. И в этом произведении шорцы объединяют себя с родной природой. Она в образе семьи диких пчел помогает шорцам в борьбе. Золотая пчела — мать всех пчел — символ Родины и победы.

Эпос замечателен не только содержанием, но и поэтичностью: символика, плавность, певучесть повествования восхищают читателя.

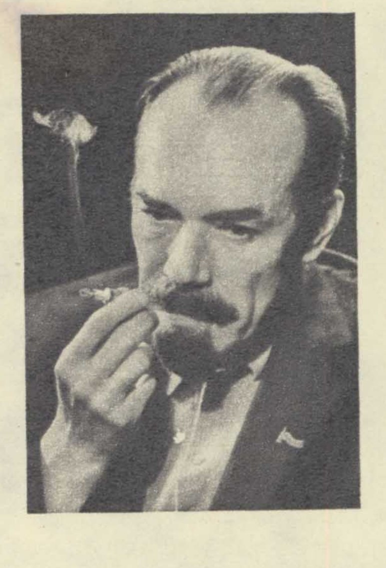
Устная поэзия маленького народа внесла большой вклад в сокровищницу культурного наследия нашей Родины.

А. КУСУРГАШЕВ

К 50-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ С. А. БАРУЗДИНА

ПАМЯТЬ И ВЕРА

Сергею Баруздину — 50 лет.

Тридцать из них отданы литературному труду, каждодневному, кропотливому. На полке баруздинских книг повести и рассказы для детей и для взрослых, стихотворения и поэмы, очерки, сказки, роман... Немало создал писатель и в жанре критики: статьи, рецензии, выступления. А не так давно вышла и книга «Заметки о детской литературе» — плод многолетнего, заинтересованного внимания к собратьям по перу, своеобразный синтез литературных портретов и интервью, разбора и документа.

Конечно, главное в биографии каждого писателя — его собственные книги. Однако со времен Горького писательское затворничество у нас не в почете. Растешь сам — помоги расти другим, заботься обо всей литературе. С. Баруздин работал в редакциях детских журналов, был секретарем правления Союза писателей РСФСР, теперь секретарь правления Союза писателей СССР. Уже давно возглавляет он журнал «Дружба народов». Он живет в литературе и литературой, ее интересами, ее судьбой. Здесь его кровно касается решительно все: журналистика, начинающие авторы, маленькие и взрослые читатели, международные писательско-издательские связи, борьба за талант, отпор бездарности и халтуре.

Давно зная С. Баруздина, я не перестаю удивляться, как много он, человек далеко не богатырского здоровья, успевает. В непрестанном кипении общественных и личных дел, кажется, вовсе не остается места для остановки, оглядки, раздумья, кропотливого письма, без чего никакая литература немыслима. Но именно в этом-то кипении и рождаются лучшие его книги. Добрые, раздумчивые книги. Всегда немного грустные, но неизменно согретые теплом человеческого участия, озаренные светом радости бытия и деяния.

Одна из повестей называется «Верить и помнить». А самая крупная баруздинская вещь — роман — озаглавлена «Повторение пройденного». Эти заглавия проливают свет на смысл всего, написанного С. Баруздиным. Жизнь его поколения как раз на пороге самостоятельности надвое рассекла война. Не все перешагнули огненную черту. Баруздин перешагнул. Мальчиком он ходил на занятия литературного кружка в Московский Дом пионеров, слушал тал любимых писателей — Гайдара, Чуковского, Маршака. Публиковал в детских журналах собственные стихи, корреспонденции, сам мечтал стать писателем. После войны он вернулся к своему призванию. Но вернулся другим.

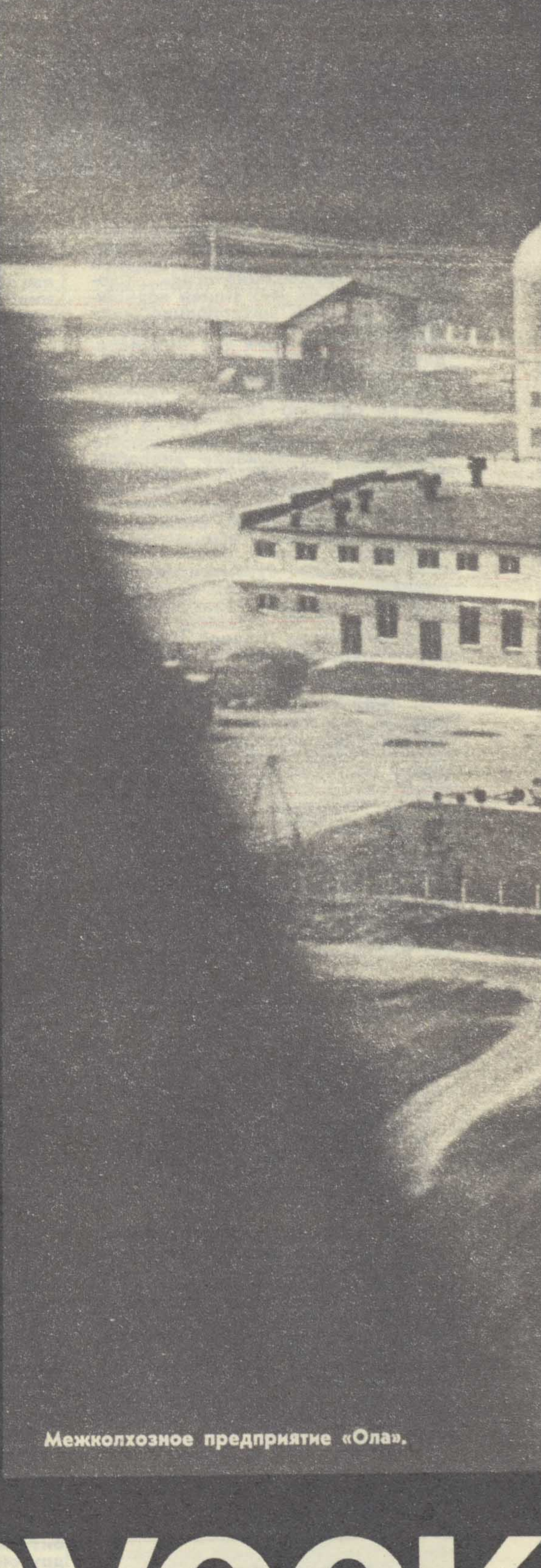
Ему не было еще девятнадцати, когда пришла Победа. Однако мальчик уже успел стать солдатом. В его теле затаились осколки фашистской противотанковой мины. Со временем такие осколки обрастают твердой тканью, капсулой. Но память капсулой не обрастает. Раны памяти кровоточат вечно. На глазах у юного Сережи Баруздина гибли люди — его ровесники, старики, дети. В своих книгах Баруздин часто «повторяет пройденное», без страха заглядывая и заставляя вглядеться читателя в черную бездну перенесенного народом страдания. Читатель, даже если он еще очень юн, обязан знать и помнить, какой ценой достался сегодняшний мир. И, обращаясь к истокам народной победы, верить в несокрушимую способность человечности противостоять силам зла.

Книги С. Баруздина остроконфликтны. Писатель показывает: низменное, эгоистическое еще сильно во многих людях. Оно — благодатная почва для мерзкой психологии собственника и потребителя, для бездуховности, лжи, предательства. Главным героям книг Баруздина такая психология органически чужда. И, думается, вовсе не случайно большинство этих героев — женщины. Простые женщины и девушки, каких в нашей стране миллионы. Скромные труженицы, не выделенные ни чинами, ни наградами, ни особой красотой, ни талантами, и в то же время воистину великие — самоотверженностью любви и материнства, мужественной стойкостью в беде, женственной верностью.

Никогда не спрашивал я у Баруздина, кого считает он своим литературным учителем. Но сдается мне, что ему должен быть особенно близок Некрасов. С его гимном русской женщине. С его песенно-печальной, боевой и революционно-гражданственной музой. С его простотой и пронзительным вниманием к рядовому труженику. С его страстной верой в завтрашний день, в юную поросль народа, который отдает детям все лучшее, чтобы мир становился светлее и счастливее с каждым новым поколением.

Игорь МОТЯШОВ

Иван Тихонович Горбенко.

Межколхозное предприятие «Ола».

«ИСПОЛЬЗУЯ БОЛЬШИЕ ВОЗМОЖНОСТИ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ И КОНЦЕНТРАЦИИ, МЕЖХОЗЯЙСТВЕННОГО КООПЕРИРОВАНИЯ, В КАЖДОЙ РЕСПУБЛИКЕ, КРАЕ И ОБЛАСТИ, КАЖДОМ РАЙОНЕ И ХОЗЯЙСТВЕ ОСУЩЕСТВИТЬ СИСТЕМУ МЕР ПО КОРЕННОМУ УЛУЧШЕНИЮ КОРМОПРОИЗВОДСТВА, ПРИДАТЬ ЭТОМУ ДЕЛУ ТАКОЙ РАЗМАХ, ЧТОБЫ ВОПРОС ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЖИВОТНОВОДСТВА ВСЕМИ ВИДАМИ КОРМОВ БЫЛ ПОЛНОСТЬЮ РЕШЕН».

Из постановления ЦК КПСС «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции».

БЕЛОРУССК

Зеленые гранулы.

На сельской улице.

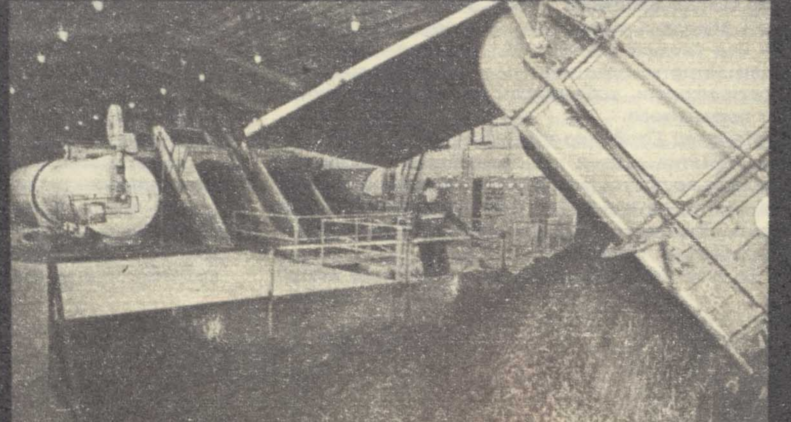

по маршрутам
пятилетки

АЯ «ОЛА»

А. ЩЕРБАКОВ,
фото М. САВИНА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

Один из цехов «Олы».

Председатель колхоза А. П. Ольшевский.

Бедовая речка Ола. Бедовой ее прозвали давно и на Гомельщине и на Могилевщине. Небольшая, но близко не подойдешь: отгородилась от суши хилым мелколесьем, берега сырые. Совсем одичала. А еще бедовой ее называют потому, что весной высоко несла свои воды, часто выходила из берегов, озоровала и долго не унималась.

Сена в болотистой пойме редкий год накашивали много. Да и косить приходилось, стоя по колено, а то чуть не по пояс в воде. Резали жёсткую, неподатливую осоку, а потом носилками или вязанками на спине вытаскивали на сушу. Радовались каждой охапке.

Мелиораторы долго подступались к пойме Олы. Только в девятой пятилетке сумели взяться за нее по-настоящему. Осушили. И тогда задумались: что дальше, как лучше использовать осушенный массив? Возникла проблема потому, что пойма числилась за семью колхозами. Можно, конечно, нарезать участки, но будет ли эффективным такое использование богатейшей земли?

Матвей Назарович Гребенчук, первый секретарь Жлобинского райкома партии, агроном по образованию, давно уже убедился, что каждому хозяйству в одиночку заниматься производством кормов сегодня и тяжело и невыгодно. Например, в колхозе имени Калинина создали цех по производству гранулированных кормов. Но это же не индустрия, а кустарщина. Обновить цех, расширить его — не хватит у колхоза пороху. Можно, конечно, специализировать в районе какое-то одно хозяйство на кормопроизводстве, но это полумера... А не выгоднее ли предложить семи колхозам создать в пойме объединенное предприятие, комбинат по производству кормов — пусть делает брикеты, гранулы, травяную муку, готовит сенаж.

Матвей Назарович посоветовался со специалистами. В райком вызвали экономистов, инженеров — строителей и механизаторов, председателей колхозов, зоотехников, дорожников... Все почти сходились на одном: заманчиво! Перспектива видится, но дело и рискованное, неиспытанное. Удастся ли провести правильно залужение? Завяжется ли на предприятии желаемый технологический узел? Найдутся ли специалисты, которые сумеют наладить изготовление современных видов кормов? Сыщется ли нужное для этого оборудование? Окупится ли, наконец, вся эта затея? А интересно, что скажет по этому поводу Иван Тихонович Горбенко. Его мнение очень важно — на этом сошлись все в районе.

Кто такой Горбенко?

...Война шла к концу. Фашистов били на их земле. На окраине немецкого городка в брошенном особняке солдат Иван Горбенко нашел несколько русских книг по агрономии. Неизвестно, как они оказались здесь... Так или иначе, но солдат обрадовался находке. Он ушел на войну, не успев окончить Азово-Черноморский сельхозинститут.

После войны Горбенко институт окончил и получил назначение в Белоруссию. Был агрономом райзо, главным агрономом МТС, главным агрономом районного управления сельского хозяйства... Никто не знает жлобинские земли так, как он. В 1972 году заслуженный агроном республики Иван Тихонович Горбенко ушел на пенсию.

Василий Парахневич и Иван Поболовец — механизаторы.

«Вот на ком проверю идею Олы,— решил секретарь райкома партии.— Если она сулит району успех, Горбенко загорится и, пожалуй, сам проведет залужение поймы».

Едва Гребенчук заговорил об освоении поймы, Иван Тихонович сдвинул очки на лоб, что всегда означает: мысль заработала. И старый агроном включился в дело. Долго сидели над схемой осушаемого массива. Прикидывали затраты, потребность в семенах, возможности техники, вспоминали подходящие случаи из пережитого.

Наконец Горбенко поднялся из-за стола.

— Хватит, пожил я в пенсионерах. Если доверите, возьмусь за пойму. Как только мелиораторы сдадут первый массив, сразу бы надо сеять. Не посеем до пятого сентября — хороших трав не обещаю.

То, что происходило в те дни, кто-то метко назвал «Курской битвой». От мелиораторов приняли тысячу с лишним гектаров. На все дела оставалось каких-то полмесяца. Горбенко ездил по колхозам, просил, выколачивал, иногда чуть ли не силой угонял с усадеб тракторы, плуги, катки. Объединения как такового еще не было, а другим путем технику у колхозов не взять. Механизаторы сутками не слезали с машин. Кое-что изобретали по ходу дела: для высева трав приспособили зерновые сеялки — специальных во всем районе не оказалось. Модернизировать пришлось и плуги, катки, прицепы... Горбенко добился своего: четыреста гектаров успели засеять под зиму, остальное до морозов распахали, подготовили к весеннему севу.

Тем временем группа специалистов занималась комплектованием оборудования для будущих цехов. Кое-что нашли в колхозах, часть оборудования купили. Сложнее всего оказалось с брикетировщиком. Узнали, что выпускают его в Нижнем Тагиле. Но модель

Отдыхаем...

Дед Агапей Шубаров — живая история колхоза.

За пескарями.

Колхозная магистраль.

Тамара Стельмак — солистка эстрадного оркестра.

экспериментальная. Связались с изготовителями. «Берите,— предложили те,— но ни за что не ручаемся, образец опытный, гарантии никакой». Взяли. Летом убедились, что машина хорошая.

В марте прошлого года начали строить производственные помещения, а в конце августа пустили первые агрегаты. И получили первую продукцию!

Так появилось на свет межколхозное объединение «Ола». Дает оно в сутки до ста пятидесяти и поболее тонн кормов. Высока и производительность труда на комбинате. Не более семидесяти человек занято в цехах и на лугу. А поскольку среди них такие специалисты, как Иван Горбенко, Григорий Афанасенко, Николай Щербаков, Алексей и Иван Поболовцы, Василий Парахневич, то можно рассчитывать — завтрашний день «Олы» превзойдет нынешний. В этом уверены хозяйства, слившиеся для того, чтобы «Ола» была. Совет из представителей семи колхозов уверенно смотрит вперед. Комплекс на тысячу шестьсот коров запланирован в колхозе имени Калинина — ему корма только давай! В колхозе имени Ворошилова будет комплекс по выращиванию телок. Несколько хозяйств откармливают свой скот в совхозе «Красный берег», где можно расширить откорм в ближайшие годы примерно вдвое. Решается вопрос о круглогодовой загрузке «Олы» — о переработке здесь соломы, зерна, а когда будут осушены семь с половиной тысяч гектаров, тогда здесь построят еще несколько цехов. К ним проложат дороги, возникнет новый поселок.

Удивительно интересно говорить о близком будущем с Антоном Павловичем Ольшевским, председателем колхоза имени Калинина:

— Теперешний поворот все наше бытие захватывает. Наш молочный комплекс получит корма от «Олы», правда, лишь сорок процентов потребности. Производство там только разворачивается. Наши коровы уже увеличили надои, мы надеемся получить до шестисот центнеров молока на сто гектаров сельхозугодий. Посмотрите, как расширяется «номенклатура» деревни: у нас несколько инженеров, электротехники, слесари-наладчики, операторы машинного доения, диспетчеры... Самому неловко как-то оставаться со среднетехническим образованием. Поступил и я в институт народного хозяйства, в следующем году кончаю...

«Теперешний поворот» — так выразился Антон Павлович Ольшевский. В Жлобинском районе, кроме «Олы», действуют объединения по орошению, по семеноводству трав, а еще — по очистке и хранению семян зерновых культур. А всего в Гомельской области двадцать одно производственное объединение.

...От Днепра наплывали дожди. Приплыли и пролились над Олой. После них воспрянули, распрямились травы. И зеленым светом зажглась обновленная пойма. Богатая, она радует людей, которые дали ей работу, своей красотой и щедростью.

Дороги в Арктику ведут через... Красную Пресню. Здесь, в тихом московском переулке, находится Главное управление гидрометеослужбы. Нас напутствует Евгений Иванович Толстиков, человек, имя которого может служить паролем на обоих полюсах Земли. Мы — это семнадцать корреспондентов из Болгарии, Венгрии, ГДР, Дании, Польши, Франции, ФРГ, Чехословакии, Югославии. Наш маршрут — через Тикси и Черский на дрейфующую научно-исследовательскую станцию «Северный полюс-23». Поездка организована отделом печати МИД СССР. Его в нашей группе представляет постоянный спутник иностранных журналистов во многих поездках по Советскому Союзу В. А. Васильев.

Не из рядовых командировка, но за годы, что мы работаем здесь,— не первая. В нашем «активе» — БАМ и целина, трасса Тюмень — Сургут, Нурекская ГЭС, КамАЗ, Самотлор, перекрытие Енисея и даже родившийся у нас на глазах вулкан на Камчатке.

Накануне отлета еще один деловой визит — в Министерство морского флота СССР. Здесь Арктика тоже имеет своих полномочных представителей. С журналистами беседуют начальник администрации Северного морского пути Кирилл Николаевич Чубаков и его заместитель Бронислав Семенович Майнагашев. Самая северная морская дорога знакома им, как родная улица. Перед нами развертывается героическая история освоения трассы, открываются перспективы того, что еще предстоит сделать.

Во Внукове, в зале ожидания аэропорта, к нашей группе подходит человек в летном кожаном костюме.

— Николай Иванович Блинов,— представляется он,— из Ленинграда.

Это начальник отдела научных экспедиций Арктического и Антарктического научно-исследовательского института. Профессиональный полярник. И к тому же с опытом «дипломатической работы»: весной 1971 года сопровождал группу иностранных журналистов на «СП-19». Теперь он будет опекать нас.

По просьбе «Огонька» решено вести коллективный дневник нашего путешествия. Кому про какой день писать, определил жребий.

ДЕСАНТ НА ПОЛЮС

День первый

Мирко БОИЧ
Журнал «Илустрована политика», СФРЮ

Путешествие началось среди ночи, прохладной, влажной, но отнюдь не зимней. Над Москвой нависли низкие облака, из которых сыпал дождь, и на взлетных полосах блестели отсветы аэродромных огней. «ИЛ-18», уносивший нас обратно в зиму, быстро пробился сквозь облака, и мы оказались в кристально чистом небе под далекими мерцающими звездами.

Звезды Севера... Почти сорок лет назад наедине с ними остались на льдине четверо советских людей — знаменитые папанинцы. В Югославии знают об их подвиге. У нас о них была издана книжка. В самолете я показал ее Николаю Ивановичу Блинову. Мы вместе листали ее и вспоминали, что сделано советскими исследователями в Арктике за эти сорок лет.

Первая в мире дрейфующая станция на льду в районе Северного географического полюса...

Открыты и обследованы подводные хребты Ломоносова, Гаккеля, Менделеева. Хребет Ломоносова — одно из крупнейших географических открытий XX века...

Составлена достоверная карта глубин высокоширотных районов Северного Ледовитого океана...

Я поднимаю глаза от блокнота. Самолет полон. В проходе между кресел — свертки, сумки, пакеты. Стюардессы ворчат. Но что поделать — люди едут далеко и везут с собой какую-то часть своей обычной жизни. Два малыша никак не хотят спать, и стюардесса спешит к ним с бутылочками теплого молока. Наш мощный четырехмоторный самолет — всего лишь обычный автобус с маршрутом на Дальний Север.

Первая посадка в Амдерме. Аэродром огромен, большие самолеты выстроились вдоль взлетной полосы. Около окошка, где продаются билеты во все уголки Заполярья, много людей. Аэропорт для этих краев примерно то же самое, что железнодорожный вокзал в каком-нибудь нашем отдаленном городке. Тут я встретил девочку Марину — настоящую снегурочку из русской сказки. Я слышал, как она говорила со своим отцом. О чем бы, вы думали? О типах самолетов.

Следующая посадка — это уже Черский. Нас тепло встретили сибиряки-полярники, и мы многое узнали о жизни в суровых условиях Севера. Понять моих новых знакомых мне помогла девочка Марина. Просто, без лишних слов объяснила она: нет на земле места, где людям не было бы хорошо, если они сами того хотят.

День второй

Иордан ТАНЕВ
Газета «Работническо дело»
Христо КОНСУЛОВ
Агентство София-Пресс, НРБ

Черский — вполне современный поселок на восточном берегу Колымы, недалеко от того места, где она впадает в Северный Ледовитый океан.

Наш «ИЛ-18» приземлился на идеально гладкой посадочной полосе. Оказалось, что это лед Колымы! Да! Не менее восьми месяцев в году летчики могут пользоваться такими аэродромами. Здесь, в Черском, мы познакомились с хозяевами арктических воздушных дорог.

Должность Павла Сергеевича Перина официально называется так: начальник Колымо-Индигирского авиапредприятия. Нас удивило сочетание слов: авиация и предприятие.

— Что ж тут странного? — улыбнулся Павел Сергеевич.— Полярная авиация — это настоящее предприятие, со своим парком машин, планом перевозок, графиком. Знакомьтесь — командир корабля Юрий Клепиков,— представил нам Перин одного из летчиков.— Он доставит вас на «СП-23». Юра там свой человек.

— Да, с четвертого марта, когда встало солнце и на льдине открылся «аэропорт», я летаю туда регулярно, почти каждый день, а иногда удается сделать и два рейса.

— Почему так часто?

— На «СП» все привозное. В первую очередь горючее. Каждый рейс — это бочки солярки, приборы, оборудование, продукты.

— Опасная у вас профессия.

В ответ Клепиков невозмутимо пожал плечами:

— Нормальная профессия. Работа как работа.

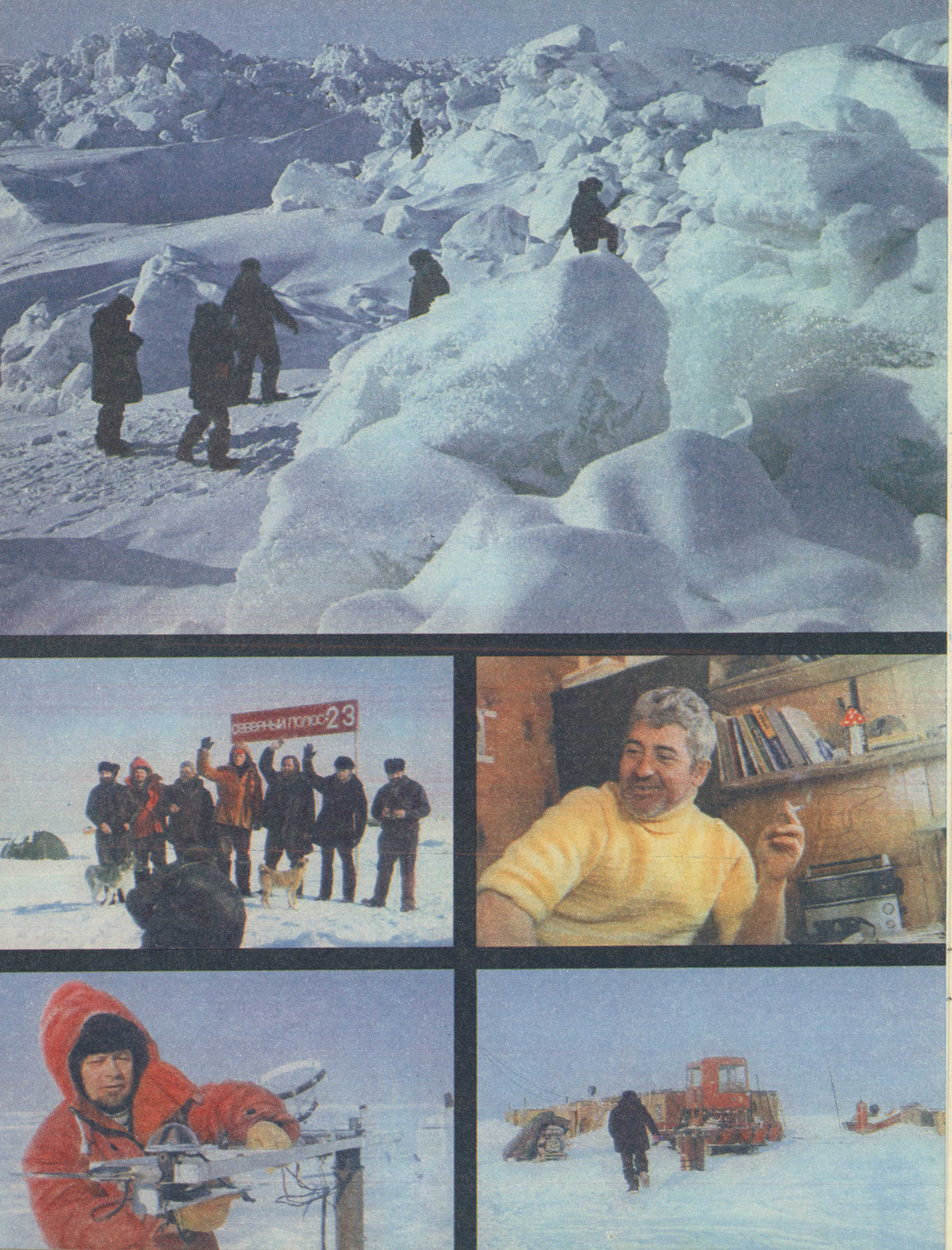
Первый секретарь райкома партии Алексей Гаврилович Чикачев познакомил нас с Нижнеколымским районом Якутской АССР. Мы встретились с активом района.

Нам показали Зеленомысский морской порт. Побывали мы на борту плавучей электростанции «Северное сияние», в клубе моряков. Не забыть радушия и сердечности гостеприимных хозяев. На прощание нас ждал сюрприз — подледная рыбная ловля, катание на собачьих упряжках, ужин на льду. Нам могли позавидовать гурманы: уха, строганина, оленина — щедрые дары Арктики.

■

Вот она, наша «СП-23»! * Пилот Любовь Ильинична Васягина: «Люблю Север, здесь у меня интересная и нужная работа». * Радист Вячеслав Русаков. В его руках — связь с миром. * На дрейфующую станцию прилетел «ЛИ-2» — универсальный воздушный извозчик Арктики.

СССР-04218

СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС-23

День третий

Элемер ЧАК
Венгерское радио

В который уже раз прижимаюсь лбом к иллюминатору и смотрю, смотрю неотрывно: боюсь пропустить льдину. Во времена папанинцев достичь ее уже было бы подвигом. Мы, корреспонденты, долетели из Москвы до Черского всего за 14 часов. И три с половиной часа — от Черского до «СП-23».

Вдруг кто-то кричит во весь голос: «Станция!» Бросаемся к окну, но самолет делает крен, и льдина уходит из поля зрения. Командир экипажа Юрий Клепиков демонстрирует верх понимания журналистской души: делает два круга над станцией. Нашему счастью нет предела, наперебой щелкаем аппаратами, ловя в объективы крошечные домики, которые сейчас станут нашим пристанищем.

«Приземление» почти не ощущается. Боковая дверца открывается — и в ослепительно ярком солнечном свете вижу направляющихся к самолету людей.

В кают-компании начинается импровизированная пресс-конференция. На наши вопросы отвечает начальник станции Арнольд Богданович Будрецкий. Его полярный стаж — 27 лет. Зимовал в Антарктиде, на станциях Молодежная, Ленинградская, Беллинсгаузена. Его кредо — жизнь на «СП» должна максимально приближаться к материковой. Это мы узнаем потом, а сейчас первый вопрос: где мы находимся?

— Координаты станции 73 градуса 55 минут северной широты, 181 градус 44 минуты восточной долготы. Местное время 17 часов 40 минут. Температура воздуха минус 22 градуса, комнатная — плюс 25 градусов (как-никак, печка — венгерская!).

— Когда произошла ваша первая встреча со льдиной?

— 10 ноября 1975 года я и трое моих товарищей прилетели сюда на «ЛИ-2» и сразу стали готовить посадочную полосу для «ИЛ-14». А 5 декабря с «СП-23» в эфир ушла первая сводка погоды. С тех пор льдина продрейфовала 625 километров.

Будрецкий представил нам экипаж «СП-23». Все семеро — ленинградцы. Вот самые краткие сведения об этих людях. Думаю, вы согласитесь со мной: о каждом из них можно было бы написать целую книгу.

Борис Петрович Остроглядов — инженер-метеоролог. Арктический послужной список — станции «СП-10», «СП-16», «СП-22». И в Антарктиде — Мирный, Ленинградская. В первую экспедицию на север отправился через месяц после свадьбы. Сейчас дочери уже 20 лет. Жена работает в объединении «Светлана».

— Трудно все-таки врозь?

— Не просто. Но есть и свой плюс — после годовой разлуки целый «медовый» год.

Вячеслав Васильевич Русаков — инженер-радист. 12 лет в экспедициях в Арктике и в Антарктике. В его руках — связь с миром. А руки у него золотые. Когда у нашего коллеги, польского кинооператора Коли Нестеровича сломалась камера, Вячеслав Васильевич разобрал ее до последнего винтика, устранил неисправность, и камера заработала. Коля плясал от радости.

Николай Васильевич Лебедев — инженер-механик. Полтора десятка лет на обоих полюсах.

Олег Леонидович Евдокимов — океанолог, тоже инженер. Тоже влюблен в Арктику. Жене каждый раз говорит, уезжая в экспедицию, что это «в последний раз».

Единственный новичок — доктор Александр Авраамович Шульгин.

— Чего вы, как врач, больше всего боитесь здесь, на льдине?

— Потерять квалификацию хирурга. Полярники — народ здоровый, и мне чаще всего приходится исполнять обязанности грузчика.

■

В торосах. ❊ До свидания, семерка! ❊ Доктор А. А. Шульгин. ❊ Метеоролог Б. П. Остроглядов: «Арктику недаром называют кухней погоды». ❊ Полярный «комбайн». Эта машина бурит лед, качает горючее и воду, разгребает снег.

Фото А. ПАСКОВИАКА, М. НЕСТЕРОВИЧА, М. СЕЧКОВСКОГО

День четвертый

Франк КУНОЛЬД
Журнал «Нойе Берлинер иллюстрирте», ГДР

Первое утро на льдине мы начали с осмотра хозяйства Будрецкого. 11 домиков, 5 палаток, 110 тонн снаряжения — словом, целый НИИ со штатом в семь человек и опытным полигоном размером семь на три километра — таковы размеры льдины, на которой работает «СП-23». Как на корабле, железный порядок, строгое расписание дежурств. И нас тоже включили — мы помогали коку на кухне, виноват, на камбузе — терминология тоже морская.

За завтраком я разговорился с Андреем Аркадьевичем Николаевым. На льдине он в командировке. Конструктор по профессии и по призванию. Участвовал в создании ледореза «ОКБ-101» на основе трактора «Т-54». С этим ледорезом Андрей проделал долгое путешествие из Горького в Ленинград, оттуда в Черский. Потом на вертолете доставил махину весом больше четырех тонн на дрейфующую станцию, чтобы испытать в действии.

Тут Николаев прервал свой рассказ.

— Минут двадцать назад,— сказал он,— я запустил мотор ледореза. Должно быть, уже прогрелся. Хотите посмотреть, как работает эта штука?

Мы влезли в меховые шубы, засунули за пазуху камеры и вышли из домика. Андрей забрался в кабину и показал, на что способен его «ОКБ-101». Он бурит лед, качает горючее и воду; и что особенно важно — эта машина незаменима, когда надо готовить взлетно-посадочную полосу.

И вот мы опять сидим в теплом помещении, с наслаждением пьем чай, который всегда стоит горячим на печке. Андрюша закуривает и продолжает:

— Двадцать лет назад мой отец испытывал на «СП-6» одну из моделей снегореза — предшественника нашего. Вообще отец для меня — образец. Он зимовал в Арктике и в Антарктике, побывал на полюсе относительной недоступности. Ему присвоено звание «Заслуженный полярник». От него, наверно, и у меня в крови эта тяга ко льду. Когда вернусь на материк, начну готовиться к экспедиции в Антарктику. Надеюсь, меня возьмут...

День пятый

Збигнев ЛЕСНИКОВСКИЙ
Марек СЕЧКОВСКИЙ
Влодзимеж ПИОТРОВСКИЙ
Миколай НЕСТЕРОВИЧ
Газета «Трибуна люду»
Журнал «Пшиязнь»
Телевидение ПНР

Вчера солнце зашло в 23.30. Сейчас уже утро.

— А сколько точно времени? — спрашивает Влодек Пиотровский, впихивая в кастрюлю огромный ком снега.

— Смотря по какому времени.

— По местному.

— Местных времени два. Географически «СП-23» отделяет от Москвы 10 часов разницы, но полярники для простоты счета добавили еще два часа. Таким образом, у нас теперь то же время, что и в Москве... только наоборот: 6 утра, а в столице 6 вечера. У нас уже среда, а в Москве еще вторник. Поэтому полярники и носят часы с двадцатичетырехчасовым циферблатом.

Пора завтракать. Мы предусмотрительно заняли места за столом рядом с Николаем Ивановичем Блиновым. Разговор зашел о перспективах полярных станций.

— Их будущее,— говорит он,— это не только дрейфующие льды. Можно создавать станции и на безмоторных судах типа модернизированного «Фрама», которым пользовалась экспедиция Нансена. Или,— тут Николай Иванович глубоко задумался,— использовать на полюсе дирижабли, незаслуженно забытые с появлением самолетов.

Воздушный корабль с непробиваемой, незамерзающей оболочкой и мощным мотором, заполненный не опасным водородом, а негорючим газом, например, сжатым гелием,— в наши дни это реально. Такой дирижабль позволил бы оперативно, в любое место и, самое важное, при небольших затратах перевозить огромное количество грузов. Напомню, что на станции Папанина было всего десять тонн груза. А наша «СП-23» весит уже более 120 тонн, причем доставлено еще не все. Я верю в будущее дирижаблей,— продолжает Блинов.— Они пригодятся и нефтяникам Тюмени, строителям БАМа — всем тем, кто осваивает Сибирь и Крайний Север. Что касается полярных научных станций, то совершенно ясно: будет все меньше людей, все больше автоматов. Таково направление развития всего народного хозяйства. Почему же работа на полюсе должна быть исключением?

Наконец, показалось солнце — сигнал выхода в торосы. Для нас это экзотика, которую мы все спешим запечатлеть на пленке, а для обитателей станции — постоянное напоминание об опасности. Ведь льды движутся, и маленькая горстка людей находится в состоянии непрерывной готовности к обороне: в любой момент льдина, хотя и вполне солидная — ее толщина 8 метров,— может расколоться.

Торосы и снежные заносы делают непригодной взлетно-посадочную полосу. Расчистка ее требует от людей предельного напряжения сил. В вахтенном журнале, где отражается вся жизнь станции, то и дело встречаются строчка: «Расчистка ВПП» (взлетно-посадочной полосы). «ВПП замело». «Расчистка ВПП».

День шестой

Пале АНДЕРСЕН
Газета «Ланд ог Фольк»,
орган Компартии Дании

Вот и настал последний день на «СП-23». За четыре дня наша льдина продрейфовала четыре мили.

Мы собрались в столовой, получили ответы на свои последние вопросы, нам вручили фото белых медведей на дрейфующей льдине. Друзья-полярники ночью, пока мы спали, отпечатали снимки, чтобы подарить их нам на память. Лихорадочно ставим на конверты почтовый штемпель «СП-23» — как можно уехать без такого сувенира!

Начальник станции Арнольд Будрецкий вручает журналистам значки участников дрейфа и зачитывает при этом шутливый приказ.

В последний раз обходим рабочие помещения наших друзей. Сердечные объятия, крепкие, насколько позволяют толстые шубы,— и в самолет. «ИЛ-14» элегантно отделяется от льдины, с которой экипаж «СП-23» машет нам шапками. Вот они стоят возле главного здания станции, над ней реет советский флаг.

Покидая льдину, восстанавливаю в памяти увиденное. Технические и научные факты перемежаются с чисто личными воспоминаниями. Как и остальные мои коллеги, я дежурил на кухне, помогал коку Павлу Волкову. Он не новичок в Арктике, был в составе экипажа станции «СП-16» в 1968 году. Затем работал в Ленинграде поваром ресторана. Осенью 1975 года его друзья-полярники пришли к нему и заявили: «Паша, летим с нами на «СП-23»!»

— Понимаешь,— сказал мне Павел Волков,— если раз побывал в Арктике, то «заболеваешь» ею. Здесь царит удивительный дух коллективизма. Поэтому мы и справляемся со всеми трудностями.

Павел Волков, несомненно, прав. Высокие человеческие качества — главное, что почувствовали мы, журналисты, при общении с экипажем «СП-23».

Провожая глазами семерку людей на льду, я думал о том, как много сделано Советским Союзом в исследовании Арктики. Мы воочию увидели, как планомерно осуществляется грандиозная государственная программа освоения Севера. Исследования Арктики и Антарктики, изучение Мирового океана и космоса, охрана окружающей среды — в решении таких проблем заинтересовано все человечество. Решить их можно только общими силами разных государств. Объединить усилия для мирного, созидательного труда на благо всей нашей планеты — вот благородная цель, которая стоит перед человечеством сегодня. Об этом говорится и в Заключительном акте совещания в Хельсинки, к этому неуклонно стремится Советский Союз. А разве наша поездка не красноречивое тому свидетельство?

День седьмой

Хуберт КУШНИК
Газета «Унзере Цайт», орган ЦК Германской компартии, ФРГ

С «СП-23» мы прилетели в Черский. Дальше наш путь лежал в Тикси. В полете нас ждал сюрприз. Пилотом «ИЛ-14» оказалась женщина — Любовь Ильинична Васягина. Она влюблена в Арктику и за 20 лет работы налетала 14 тысяч часов. Работа в Заполярье предъявляет к летчикам повышенные требования. Об этом Любовь Ильинична, однако, не любит распространяться, она вообще очень немногословна, когда речь идет о ее заслугах и профессиональном умении: «Я такой же пилот, как и любой другой». А ведь сначала ее не хотели брать в летчики. Но она все-таки добилась своего. И вот в ее личном бортовом журнале уже шесть посадок на советских дрейфующих станциях. С виртуозной точностью она посадила наш самолет в Тикси.

На прощание Любовь Ильинична сказала: «Я останусь здесь навсегда, потому что мне нравится Север и потому что у меня здесь важная и нужная работа». Таких высказываний я слышал немало. С кем бы мы ни встречались — будь то оленеводы или рабочие, инженеры или домашние хозяйки,— нас восхищало, с какой любовью и привязанностью эти люди относятся к своему родному краю — Советскому Северу. Почему бы им не любить Север? У советских людей, в отличие от большинства граждан моей страны, ФРГ, есть уверенность в завтрашнем дне. Им не надо бояться безработицы, инфляции, бедности. У них интересная работа, хорошие товарищи.

День восьмой

Арношт БАК
Газета «Правда», ЧССР

Я ожидал Тикси с особым нетерпением: я уже был здесь в 1971 году по дороге на «СП-19».

У самолета меня встретили старые знакомые — заместитель председателя исполкома райсовета Иннокентий Иванович Стручков и начальник СМУ «Тиксистрой» Леонид Петрович Вольский, с которым пять лет назад мы провели не один вечер.

— Подожди, не торопись,— говорит Леонид Петрович, когда я спрашиваю, успели ли в Тикси построить все, что было запланировано. И добавляет: — Мы не постарели, а Тикси помолодела...

Да, я вижу сразу. Пять лет назад здесь были в основном неказистые деревянные домики, а сегодня встретил городок современных четырех- и пятиэтажных домов, новейшие магазины. Даже станцию «Орбита» построили, как я узнал, сверх плана, и город на целую пятилетку раньше получил телевидение.

Пять лет назад меня захватили планы строительства, сегодня я вижу их осуществление, часто досрочное. Леонид Петрович водит меня от одной новостройки на «курьих ножках», то есть на сваях, к другой. Просторные квартиры, центральное отопление, горячая вода, ванные. Все, как в Москве или Братиславе. Разве что стены поосновательнее. Мне показали, как делаются панели из местных сланцев. Высококачественные, легкие, с хорошей теплоизоляцией. Московским и братиславским столярам можно поучиться у тиксинских, как делать оконные рамы, через которые не дует даже в пургу.

Здания, которые сдавали в день ленинского субботника, строились во время полярной ночи. Светло было, правда, как днем, потому что электроэнергии хватает. С радостью услышал я похвалы в адрес дизель-агрегатов братиславского завода. Работают безотказно, как и портовые подъемные краны из ГДР и Венгрии. Польские товарищи встретили свои корабли, и все лакомились болгарскими яблоками. Здесь, в далеком Заполярье, мы еще раз увидели социалистическую интеграцию в действии. Ведь Тикси — это порт стран — участниц СЭВ. От его причалов идут к нам цветные металлы, сырье, доставляемое автопоездами из Магаданской области. А сюда приходят станки и оборудование, помогающие добывать и обрабатывать природные богатства Советского Севера.

В своем блокноте я три раза подчеркнул слово «детсад». Он на 330 мест. Это гордость Тикси. Под застекленной крышей площадка для игр, как обычно, во дворе. Дальше в моем блокноте подчеркнуто: всесторонняя забота о человеке, творческая реализация решений КПСС. Именно об этом нам говорили секретари райкома КПСС С. Е. Софронов и В.И. Бабушко.

Если бы меня спросили, в чем особенность местного характера, я бы ответил: «Здесь каждый заботится обо всех и все о каждом».

В десятой пятилетке Тикси станет еще красивее, чем в девятой. Станет? Уже становится: днем и ночью в скованную вечной мерзлотой землю строители забивают сваи — фундамент будущих новоселий.

День девятый

Дитер ВЕНДЕ
Газета «Берлинер Цайтунг», ГДР

В порту Тикси я познакомился с одним блестящим решением проблемы ремонта судов. В начале зимы корабли замораживают в порту, как в холодильнике. Словно дома в городе, стоят они рядком. Когда прихватывает мороз, лед вокруг судна постепенно вырубают. Образуется ледяной подвал — удобная рабочая площадка для ремонтников.

Моим гидом в порту был парторг Виталий Шипилов. Здесь он уже 8 лет. Молодой, энергичный, с юмором.

— Виталий, когда у вас самое трудное время? В суровую зиму?

— В суровое лето. Во время навигации. Ведь она длится всего семьдесят — семьдесят пять дней. Надо разгрузить сотни тысяч тонн груза — продовольствие, оборудование, приборы. Работа идет в две смены.

Нас прерывают выстрелы, в небо взлетают ракеты. Сегодня «праздник Солнца». Пестрое шествие появилось на центральной площади. Дети взбираются на огромных ледяных медведей, пингвинов и моржей. Маршируют сказочные богатыри, их предводитель — на мотоцикле. Мужской хор, цыганский хор. Это не профессиональные актеры. «Мать Солнце» — работница из магазина, богатыри — сотрудники службы погоды, в хоре поют медсестры районной больницы. Ребят из «Тиксистроя» награждают дружными аплодисментами за шуточную сценку: они направляют предложение Олимпийскому комитету перенести Игры 1980 года в Тикси. Господа из комитета отвечают: «А вы сможете построить на берегу Северного Ледовитого океана хотя бы дома?!» И тут ребята выкладывают, что будет построено здесь в десятой пятилетке: стадион, бассейн, жилье, Дом культуры... «Ну, тогда,— решает комитет,— можно перенести Олимпийские игры в Тикси».

После обеда мы уехали из города. Тундра встретила холодной суровостью и безмолвием. Неожиданно из снега вынырнули домики — это полярная геокосмическая обсерватория. Нас встречает начальник обсерватории Александр Новиков.

— Какую работу вы здесь ведете?

— Синхронно с тремя другими станциями фотографируем северное сияние,— ответил ученый. Мы немного разочарованы: 45 «фотолюбителей» в снегах?! Александр Новиков делает небольшой доклад... Обсерватория в Тикси изучает одно из самых загадочных явлений природы — полярное сияние. Можно ли его предсказывать, ведь во время полярных сияний образуются сильные магнитные бури. Как они влияют на человека и природу? На Севере неделями беснуется пурга. Откуда она берет энергию? Вот на эти вопросы ищут ответ ученые.

Огромные камеры смотрят в небо. Солнечная бомбардировка под лупой? Признаться, мы не ожидали этого здесь, в тундре. И немногочисленные домики в снегах, связанные между собой канатами, так как потеря дороги в пургу может стоить жизни,— одно из многих доказательств того, с какой энергией Советский Союз осваивает Дальний Север.

День десятый

Серж ЛЕЙРАК
«Юманите», Франция

С капитаном Полуботько я провел целый вечер. Владислав Андреевич капитанствует на судне гидрографической базы в Тиксинском порту. Его задача — установление навигационных знаков в Северном Ледовитом океане. Перед встречей с ним мое французское воображение разыгралось вовсю... Ну, разумеется, старый морской волк. Лицо, продубленное стужей. Приключений навалом.

Человек же, сидевший напротив меня, говорил тихим, даже каким-то вкрадчивым голосом, кожа на его лице была нежно-розовой. Я смотрел на капитана Полуботько, и в душе моей медленно угасал абстрактно-романтический образ.

Владислав Андреевич показал мне свою двухкомнатную квартиру, в убранстве которой угадывался элегантный вкус его супруги, Любови Васильевны. То, что я увидел, я мог видеть в Москве или в Одессе. И больше не существовало для меня могучего Севера, его бескрайних просторов, с жестокими морозами, непривычным чередованием дня и ночи, внезапными снежными бурями и вспышкой короткого лета. Был жилой четырехэтажный дом, самый обычный, и обычная теплота, с которой принимают в Советском Союзе иностранца.

В Арктике я всюду ощущал настойчивое стремление людей воссоздать обстановку, как можно более схожую с характером жизни там, в краях более «цивилизованных». Это характерно как для «СП-23», так и для Тикси и Черского. Я искал романтики, а мне в Тикси предложили посмотреть детский сад с великолепным, почти сплошь застекленным залом для игр. В Черском любезно предложили посетить только что отстроенный спортзал и новенькую, с иголочки библиотеку.

Что же все-таки заставляет людей селиться в этом суровом краю? Деньги? Слов нет, зарабатывают здесь прилично. Но те, для кого это единственная цель, уезжают отсюда с набитой кубышкой уже через несколько лет. А кто остается? Вопрос этот не дает мне покоя всю поездку. Я упрямо задаю его и получаю один и тот же ответ: «Наш край так прекрасен!» Люди здесь не жалеют усилий на создание современного комфорта и в то же время создают на Севере свой, неповторимый стиль жизни.

В гостях у капитана я жаждал услышать необыкновенные истории.

— Ну, рассказывайте же, рассказывайте,— теребил я своих собеседников.

Они умолкали. О чем тут говорить? Их работа — такая же, как у всех. Никогда не говорят о мужестве люди, которые проявляют его на деле, особенно если это происходит каждый день. А самое трудное, пожалуй, здесь — жить так же, как живут люди повсюду в других местах. Это и есть, по-моему, полярная романтика...

* * *

Наш «ИЛ» берет курс на Москву. С борта самолета на «СП-23» уходит радиограмма: «Друзья! Покидая территорию дружественной льдины, глубоко об этом сожалеем. Утешает мысль, что обязательно встретимся. До новых встреч в любой точке планеты. Готовы дрейфовать с вами в любом направлении. Дни, прожитые вместе,— праздник, который всегда будет с нами. Обнимаем. Христо, Иордан, Элемер, Бела, Франк, Дитер, Альфред, Марек, Збигнев, Миколай, Влодзимеж, Мирко, Арношт, Душан, Серж, Хуберт, Пале, Володя».

...Самолет еще не перешел на снижение, а в салон входит радист. Только что получена ответная радиограмма: «Всем, всем, всем. Тронуты вашим вниманием. Наши четырнадцать рук шлют вам свои крепкие пожатия. Наилучшие пожелания вам, вашим семьям. До встречи на материке. Семерка».

Мы знаем, что это — рукопожатие всей Арктики.

МОЛОДОСТЬ ТЕАТРА

Каждый раз гастроли Ленинградского Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова становятся событием театральной жизни Москвы.

Творческая преемственность поколений, а вместе с тем смелое освоение современного репертуара — таковы главные черты высокой сегодняшней музыкальной культуры ленинградцев. В их афише шедевры русского оперного наследия — произведения М. Глинки, М. Мусоргского, Н. Римского-Корсакова — представлены на равных началах с лучшими произведениями советских композиторов: И. Дзержинского, Т. Хренникова, Ю. Шапорина, А. Петрова... Не менее разнообразен, интересен и балетный репертуар.

— К гастролям в Москве театр готовился в течение всего сезона. Спектакли подбирались так, чтобы достойно представить творческое лицо театра, порадовать столицу встречей с мастерами и познакомить с молодежью,— сказал нам народный артист РСФСР Сергей Викулов.

Бережно сохраняя создания корифеев оперного и балетного искусства, главный режиссер театра Р. И. Тихомиров вновь и вновь обращается к масштабным произведениям советских авторов, одно из них — опера Т. Хренникова «В бурю» — недавняя премьера театра. Богатейшие актерские и вокальные возможности труппы здесь раскрылись в полную силу, и можно только порадоваться тому, что замечательный талант Б. Штоколова, Г. Ковалевой, И. Богачевой и многих других солистов проявляет себя так многогранно и глубоко не только в классике, но и в современном репертуаре.

Обращение к историческим сюжетам — тоже в традициях Кировского театра. Особый интерес москвичей и гостей столицы вызвала опера Андрея Петрова «Петр Первый». Поставили ее Н. Касаткина и В. Василёв, художник И. Сумбаташвили, дирижер Ю. Темирканов. В роли Петра В. Морозов создает мощный, запоминающийся образ, во многом определяя художественное звучание спектакля.

Балетная труппа театра открыла гастроли в Москве «Спящей красавицей» П. Чайковского и М. Петипа. В роли Авроры Ирина Колпакова вновь подтвердила, что является одной из самых ярких балерин современности; Юрий Соловьев покорил зрителей техникой и высоким изяществом танца.

«Лебединое озеро» П. Чайковского ленинградцы представили как молодежный спектакль, и здесь москвичей ждал еще один приятный сюрприз — Любовь Кунакова. В ту пору, когда она была ученицей Пермского хореографического училища, Кунакова стала дипломантом 1-го Международного конкурса артистов балета в Москве. Потом она завоевала золотую медаль на конкурсе в Варне. В гастрольных же спектаклях, на московской сцене Кунакова, танцуя ведущие партии (Одетта — Одиллия, Никия, Фея Сирени), снова доказала право на одно из ведущих мест в прославленной труппе.

Нельзя не сказать хотя бы коротко о Сергее Викулове, который в партии Солора (балет Л. Минкуса «Баядерка») порадовал мягкостью и точностью прыжков, блеском и красотой вариаций.

Почерк современного балетмейстера — будь то признанный мастер-хореограф К. Сергеев, поставивший балет «Левша» на музыку Б. Александрова в яркой гротесковой манере, или Б. Эйфман, недавний выпускник Ленинградской консерватории, он представил одноактный балет «Жар-птица»,— чутко улавливается труппой.

«Икар» И. Бельского на музыку С. Слонимского продемонстрировал владение всем современным арсеналом классического танца (хотя в целом решение спектакля представляется несколько прямолинейным)...

Театр — живой организм. Его жизнь, его молодость — в постоянном обновлении репертуара, в новых именах на афише. Еще и этому радовались зрители на гастролях Кировского театра.

В. ГОРЧАКОВ

Сцена из спектакля «Царская невеста».

Фото А. Степанова.

ПИСАТЕЛИ АЗИИ И АФРИКИ В МОСКВЕ

Всего три месяца тому назад на гостеприимной земле Ирака, в Багдаде, проходили заседания Исполнительного комитета Ассоциации афро-азиатских писателей. На этой встрече были приняты решения, направленные на дальнейшую активизацию деятельности афроазиатского писательского движения и вовлечения в его ряды новых молодых творческих сил.

Для проверки выполнения этих решений в Москве недавно состоялось заседание рабочей группы Постоянного бюро афро-азиатских писателей. В заседании приняли участие заместитель генерального секретаря Ассоциации писателей Азии и Африки, известный южноафриканский писатель Алекс Ла Гума, представитель секретариата Постоянного бюро Абдельазиз Садек, делегаты Анголы Арналдо Сантуш и Жорже Маседу, видный мозамбикский поэт Франсиско Баррето, председатель Союза писателей Сирии Хафез аль-Джамали, представители Комитета солидарности ГДР Герхардт Крёхер и Макс Кюн.

Советский комитет по связям с писателями Азии и Африки был представлен К. Яшеном и А. Софроновым, а также секретарем Правления СП СССР Н. Федоренко.

Литераторы Азии и Африки рассмотрели широкий круг вопросов, касающихся текущей работы Постоянного бюро и органа ассоциации — журнала «Лотос».

С интересом было выслушано сообщение Камиля Яшена о подготовке к встрече молодых писателей, которая должна состояться осенью в Ташкенте. Хафез аль-Джамали рассказал о подготовке к симпозиуму по драматургии, который предполагается провести в столице Сирии Дамаске в конце этого года.

Горячо встретили участники заседания предложение писателей Анголы провести будущую, VI конференцию писателей стран Азии и Африки на ангольской земле.

Участники встречи уделили большое внимание вопросам издания и распространения журнала «Лотос». Все выступившие отмечали огромное значение журнала для консолидации сил творческой интеллигенции двух континентов в борьбе против империализма, колониализма и расизма.

Герхардт Крёхер и Макс Кюн, ответственные работники Комитета солидарности ГДР, издающего журнал на английском и французском языках, сообщили о выполнении плана выпуска «Лотоса» и его распространении в странах двух континентов. На заседании были представлены три последних номера «Лотоса», вышедших в этом году. Представитель каирской редакции проинформировал о мерах по ускорению выпуска журнала на арабском языке.

Представитель Синдиката турецких писателей, лауреат премии «Лотос» Азиз Несин, присутствовавший на заседании рабочей группы в качестве наблюдателя, сделал заявление о намерении этой творческой организации вступить в ряды Ассоциации афроазиатских писателей.

Ход московского заседания рабочей группы Постоянного бюро, круг обсуждаемых на нем вопросов, а также конкретность принятых рекомендаций вновь показали большую заинтересованность афро-азиатских литераторов в выполнении задач, стоящих перед писателями двух великих континентов.

О. АГЗИБЕКОВ

С. ДУБРАВА

Рисунки П. КАРАЧЕНЦЕВА

«В ИЮЛЬ КАТИЛОСЬ ЛЕТО...»

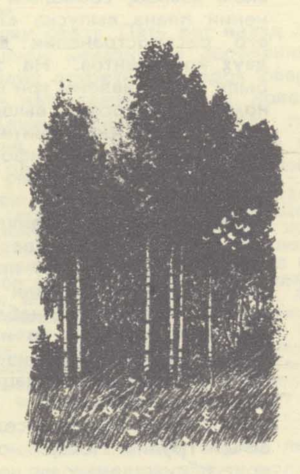
КАДРИЛЬ «АДМИРАЛОВ»

Было около семи вечера, когда я вышел на лужайку близ березовой рощи. Вокруг все благоухало. Буйное многоцветное разнотравье источало живительный аромат. От нарядных длиннокосых берез, омытых недавно прошедшим дождем, веяло прохладой. Вечерний воздух словно бы звенел, пронизанный яркими лучами вечернего солнца. Я остановился, завороженный красотой этого уголка. Впрочем, я и раньше здесь бывал, но мне показалось, что только сейчас я понял его красоту, что только сейчас, быть может, вот в эту минуту, я увижу здесь что-то необыкновенное, которое, наверное, уже помимо глаз проникло в мою душу. Обрадованный этой мыслью, я зорче стал всматриваться в многоцветье трав, в звенящий над ними воздух. И...

Их было не более десяти. Разбившись попарно, они кружились над лужайкой. Порой, словно в такт только ими одними слышимой музыке, они сходились в центре лужайки, образуя живой вертящийся клубок. Затем на какое-то мгновение клубок останавливался. И вот они вновь, часто махая блестящими, словно из черного перламутра крыльями, на которых виднелись красные полосы, попарно разлетались в стороны, чтобы, покружившись, опять сойтись в центре. Кадриль бабочек, в которых нетрудно было узнать известных «адмиралов» (так их назвали по красным полосам на черных крыльях, напоминающим лампасы на черных адмиральских мундирах), поразила меня.

Я много читал о бабочках. Знал о том, что «адмиралы» любят путешествовать в одиночку. И вот я впервые увидел почти целую стаю. Наверно, это был их брачный танец, после которого они разлетятся, чтобы в одиночестве продолжить свой путь. И действительно, вскоре я заметил, как «адмиралы» один за другим стали покидать лужайку.

Я вздохнул. На душе было радостно и в то же время грустно. Радостно от сознания, что неожиданно прикоснулся к одной из удивительных загадок природы, какой представляется нам жизнь бабочек. А грустно оттого, что я видел последнюю встречу этих «адмиралов», повторить которую смогут уже лишь их потомки.

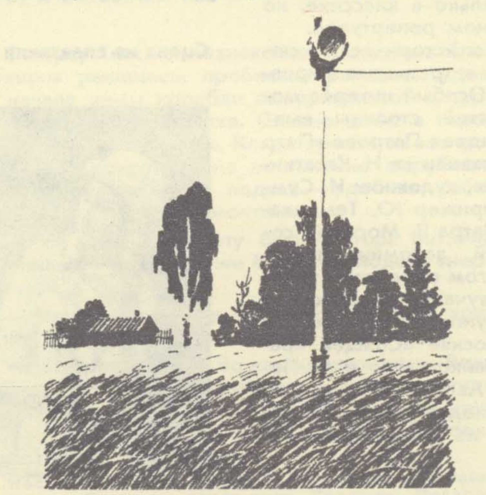

РАСТЕНИЯ «СЛУШАЮТ» МУЗЫКУ

Лицо Ивана Павловича Лукьянова, колхозного агронома, было сосредоточенно задумчивым. Он говорил об урожаях будущего, и глаза его загадочно светились.

— Представим себе,— продолжал он,— хлебное поле июньским утром на рубеже нового тысячелетия. В мягких лучах солнца купаются крупные колосья пшеницы. На них мириадами звезд поблескивает роса. Воздух чист и свеж, полон волнующих запахов лета. Вы идете по полевой дороге, полной грудью вдыхаете живительный воздух и слышите чудесную, с трелями жаворонков музыку. Она доносится откуда-то сверху, с самого неба. Кажется, что мелодию вместе с вами «слушает» и пшеница, вытягиваясь на своих высоких стеблях, покачивая в такт колосьями. Вы поднимаете голову и видите, как бесшумные винтолеты с мощными репродукторами совершают круг за кругом облет хлебного массива. Сегодня они выполняют задание агронома-экспериментатора, дают для ускорения налива и созревания пшеницы тридцатиминутный сеанс специально подобранной для этой цели музыки...

— В этой столь красочно нарисованной вами картине,— воспользовавшись паузой, заметил я,— есть что-то фантастическое.

— Возможно,— согласился Лукьянов,— но эта фантазия — не плод досужего вымысла. Давно уже, пояснил он, установлено благотворное воздействие неслышимых звуков, в частности ультразвуков, на животные и растительные организмы. Ультразвуки, например, широко используют в медицинской практике. Ими обрабатывают для повышения урожаев семена пшеницы, кукурузы, подсолнечника, риса, картофеля... А как действуют на живые организмы слышимые звуки? «Воспринимают», «чувствуют» ли они их? Для кавалеристов и собаководов тут нет вопроса. Выявлено также благотворное воздействие слышимых ритмичных звуков определенного характера на коров и кур. При этом удои коров и яйценоскость кур значительно повышаются. А «слышат» ли музыку растения? Оказывается, да, «слышат» и реагируют по-разному. Одна музыка тормозит процессы жизнедеятельности в клетках, другая стимулирует их. Когда установили факты небезразличного контакта наших зеленых друзей с музыкой, исследования в этой области приняли широкий размах. Об удивительных результатах их уже не раз сообщалось на международных ботанических конгрессах.

— Агротехника, как видим,— заключил Иван Павлович,— обогащается новым, совсем необычным средством повышения урожайности, каким является ритмичный звук, музыка.

— Надо полагать,— заметил я,— что и вы, Иван Павлович, проводите в этом плане опыты?

— Пробую,— улыбнулся агроном.— Вот мы сейчас находимся на опытном поле. Здесь, как видите, два участка. На одном из них ячмень дважды в день «прослушивает» музыку из популярных мелодий. И нетрудно заметить — колосья ячменя на этом участке крупнее, гуще, чем на соседнем, лишенном, при прочих равных условиях, музыки.

Иван Павлович еще не закончил свой рассказ, как из репродуктора, установленного в центре участка, полилась задорная мелодия. Словно в такт музыке, колосья ячменя, расправив густые усы, стали медленно покачиваться. По хлебному полю, хотя было полное безветрие, стали пробегать одна за другой волны. Пораженный необыкновенным видением, я стоял и весь дрожал.

— Солнце росу начинает пить,— заметив мое удивление, сказал Иван Павлович.— От испарения ее даже в безветрие кажется, будто хлеба колышутся, словно по ним волны пробегают.

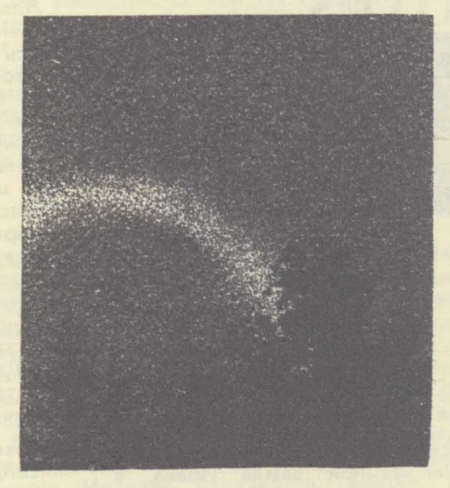
Я улыбнулся столь простому объяснению. Но как не хотелось верить ему!

НОЧНАЯ РАДУГА

Восторгам Николая Васильевича Ширякина не было границ. Наконец он увидел ночную радугу во всей ее чарующей, таинственной красоте. Вот как это было.

Вечером, накануне полнолуния, прошел сильный ливень. Увесистыми каплями, переходящими порой в непрерывные струи, он отбарабанил по крышам домов, по мостовой, по кронам деревьев и кустарникам. Временами сквозь завесу ливня видны были росчерки молний и слышны далекие раскаты грома. Но ливень с грозой так же быстро кончился, как и начался. Вскоре небо очистилось от туч. На западе, над самой землей, вновь запылал большой шар солнца. Его лучи, освеженные дождем, зажгли жемчуг водяных капель на листьях трав, деревьев, затейливо заиграли зайчиками в бурлящих волнах только что рожденных ручьев. Всюду царили спокойствие и умиротворенность. Даже голоса еще не уснувших птиц словно бы подчеркивали тишину, придавая ей особую торжественность.

Николай Васильевич вышел из дома около 11 часов, когда в вечернем небе уже повисла красавица луна. Ширякин решил перед сном совершить обычную прогулку по аллеям пригородного парка. Однако в последний момент он почему-то изменил маршрут. Дойдя до парка, Ширякин свернул налево на тропинку, которая вела в соседнее село. До села он не дошел. На полпути остановился. Николая Васильевича поразила какая-то вдруг окутавшая его белесая синева воздуха. Он посмотрел на луну, катившуюся над горизонтом, потом на

противоположную от луны часть неба. Так и есть: радуга, ночная радуга! Сердце его заколотилось. Он затаив дыхание не отрывал глаз от этого редкого видения.

«Как прекрасна,— мысленно рассуждал он,— земля, вся наша жизнь, дарящая человеку мгновения такой красоты!»

— Гало! Какое великолепное гало! — вдруг услышал Ширякин и вздрогнул. Рядом с ним стояли парень и девушка. Пораженный не-

обыкновенным видением, он не слышал, как они подошли к нему.

— Это, друзья мои, не гало, а ночная радуга,— мягко поправил молодых людей Николай Васильевич.— Она, как видите, на противоположной от луны стороне неба, тогда как гало в виде белых полос, кругов, крестов можно видеть в определенных условиях только вблизи или вокруг небесных светил.

ЗАПАХ РОС

— А знаешь, как пахнут росы? — спросил как-то июльским вечером дед Егор у своего внука Вити.

— Знаю — водой,— не задумываясь, ответил внук.

— Э, нет,— покачал головой дед.— Оказывается, не знаешь. Ну ничего, завтра ты все поймешь.

Витя долго не мог уснуть и все думал о том, как и чем может пахнуть роса. Она, конечно, из воды — он хорошо это знал. А раз так, то у нее не может быть другого, кроме водяного, запаха. Но дедушка сказал, что он, Витя, не знает... Так чем же она пахнет?

С этим вопросом он уснул. И ему приснился необыкновенный сон: словно он босиком бегает по лугу, купаясь в густых травах, усыпанных жемчужными росами. Временами он захватывает руками стебли влажных трав, прижимает их к лицу, дышит, дышит. И, конечно, дедушка прав: какой приятный, нежный, душистый запах! Он улыбается, улыбается в ответ и дедушка, доброе лицо которого он видит сквозь стебли трав...

— Вставай, пора,— услышал он требовательные, но добрые слова деда Егора. Было жаль расставаться с прекрасным сновидением. Но он вспомнил уговор с дедушкой и быстро встал.

Вскоре они шли за околицей, по лугу, к которому с одной стороны примыкал колхозный сад, а с другой — березовая роща. На востоке уже пылал ярко-оранжевый шар солнца. В его лучах сказочное многоцветье луга, покрытого обильной росой, блестело, переливаясь нежными красками. Луг уже начинал парить. Воздух, поглощающий росы, впитывал вместе с ними запахи цветов, трав, зреющих в саду плодов, листьев зеленокудрых берез. И он, этот воздух, наполненный благодаря росам ароматами родной земли, сам просился в грудь.

Дед с внуком, глубоко дыша, медленно шли по лугу, иногда метелки луговых трав касались Витиного лица, оставляя на нем капли росы. При этом сердце его трепетало. В такие мгновения Витя особенно остро ощущал необыкновенно близкий, родной и в то же время какой-то загадочно-таинственный запах рос.

— А можно, я сниму сапоги? — спросил деда Витя.— Хочу босиком побегать по росистой траве.

— Конечно, можно,— согласился дед. Он ждал этой просьбы, поэтому и выбрал самое подходящее, как в народе говорят, парное утро.

Дед Егор с радостью смотрел на бегающего по лугу внука, на его попытки умыться росой, насладиться сказочным запахом, который — дед это хорошо знал — отныне навсегда сохранится в его душе...

— А знаешь, дедушка,— сказал Витя, когда они возвращались домой.— На этом лугу я уже сегодня второй раз.

— Знаю,— ответил дед.— Первый раз ты был здесь во сне.

— А как ты узнал?

— Твое лицо выдало. Оно светилось радостью, счастьем. И я понял, что ты постиг в это мгновение запах рос.

ПРОДОЛЖАЙТЕ В ТОМ ЖЕ ДУХЕ!

Если бы мы попытались разместить на наших обложках всех советских спортсменов, которые побеждали на Олимпийских играх в Хельсинки, Мельбурне, Риме, Токио, Мехико и Мюнхене, то нам пришлось бы найти место для 211 фотографий. Осуществить это, к сожалению, невозможно, поэтому на наших обложках вы видите снимки лишь 16 олимпийских чемпионов.

Сколько волнующих, радостных событий связано с этими победами! Разве можем мы забыть наш олимпийский дебют, состоявшийся четверть века назад на XV Олимпийских играх в Хельсинки! Кто из олимпийских старожилов, задававших тон на крупнейших спортивных соревнованиях нашего времени, мог бы подумать до этого дебюта, что новички из Советского Союза сразу выйдут в лидеры, завоюют 22 золотые медали, 30 серебряных и 15 бронзовых, а в неофициальном командном зачете так стремительно уйдут вперед, что команде США придется напрячь все свои силы, прибегнуть к различным закулисным операциям, чтобы не обогнать, нет, а лишь догнать нашу команду и разделить с ней первое и второе места...

После этого в борьбе за командное, хоть и неофициальное, но очень почетное первенство советские спортсмены выигрывали еще четыре раза и лишь на одной Олимпиаде — мексиканской — заняли второе место.

Высокий уровень мастерства не в одном и не в двух видах спорта, а почти во всех, входящих в олимпийскую программу,— вот в чем причина неизменного успеха советских спортсменов. А ведь с каждым новым выступлением на Олимпийских играх добиваться побед становится все труднее и труднее, растет число участников Олимпиад, стремительно повышается их мастерство.

Если на XV Олимпийских играх в Хельсинки выступали спортсмены из 69 стран, то в Мюнхене число стран возросло до 121. Если в Мехико на старты Олимпиады вышло 6059 спортсменов, то в Мюнхене их уже было 7047.

С удивлением сравниваем мы сейчас рекорды победителей первых послевоенных и последних Олимпиад. Разве можно было представить себе двадцать пять лет назад, что спортсмены смогут показывать такие результаты! И, несмотря на это, в Мюнхене в 1972 году советские спортсмены завоевали рекордное число золотых медалей — 50, 27 раз поднимались на вторые ступеньки пьедестала почета и 22 раза — на третьи.

Мюнхенская Олимпиада была поистине триумфальной для советских спортсменов, и вот пролетело четыре года, и снова отправляются они на самый почетный спортивный форум, на сей раз в Монреаль, и олимпийские чемпионы как бы напутствуют своих преемников: «Продолжайте в том же духе!»

Кто же после двух недель борьбы на беговых и гребных дорожках, на рингах и коврах, на гимнастических и штангистских помостах продолжит галерею олимпийских чемпионов? Нам недолго осталось ждать ответа на этот вопрос.

НА ПЕРВОЙ ОБЛОЖКЕ: Галина Зыбина — чемпионка Олимпийских игр 1952 года в толкании ядра. Валерий Брумель завоевал золотую медаль по прыжкам в высоту на токийской Олимпиаде. Вячеслав Иванов выходил победителем в гонках скифов-одиночек на трех Олимпиадах — мельбурнской, римской и токийской. Галина Прозуменщикова завоевала в Токио золотую медаль по плаванию. С именем Владимира Куца связаны незабываемые победы в Мельбурне на дистанциях 5 тысяч и 10 тысяч метров. Виктор Капитонов вышел победителем шоссейной гонки в Риме. Боксер Валерий Попенченко был непобедим на ринге в Токио. Гимнастка Людмила Турищева добилась почетной победы на Олимпийских играх 1972 года в Мюнхене. Пятиборец Игорь Новиков стал чемпионом мельбурнской Олимпиады, а затем дважды получал золотые медали в Риме и Токио, выступая в составе советской команды.

НА ПОСЛЕДНЕЙ ОБЛОЖКЕ: Валерий Борзов — обладатель двух золотых медалей, врученных ему за победы в беге на дистанции 100 и 200 метров в Мюнхене. Борец Иван Богдан стал олимпийским чемпионом в Риме, так же как и его соседи по этой обложке — штангист Юрий Власов, гимнастка Лариса Латынина (уже до этого получившая золотую медаль в Мельбурне), конник Сергей Филатов и Антонина Середина (гребля на байдарке). И, наконец, последний в славном строю Виктор Санеев — чемпион в тройном прыжке мексиканской и мюнхенской Олимпиад.

Фото Д. БАЛЬТЕРМАНЦА, А. БОЧИНИНА.

ГОСТЬ «ОГОНЬКА»

На минувшей неделе гостем нашего журнала был главный редактор белградского еженедельника «Илустрована политика» Миодраг Попович. В беседе, состоявшейся в редакции, обсуждались вопросы дальнейшего сотрудничества «Огонька» и «Илустрованой политики».

Фото Дм. Бальтерманца.

П. С. ДАРИЕНКО

Умер Петр Степанович Дариенко, поэт, журналист, редактор.

Кажется, совсем недавно мы читали в газете «Советская культура» его поэтические очерки о нашей стране, о самых дальних ее уголках, куда звала его ненасытная жажда нового; смотрели сборники его стихов, точных и метких, как газетная корреспонденция, звучных и напевных, как дойны его родной Молдавии.

Трудно сказать, что было его настоящим призванием — поэзия или журналистика. Просто он был талантливым человеком и обладал удивительной способностью любить и понимать людей. За это люди платили ему дружбой и верностью. У него было много друзей и в молдавской центральной газете, которую он редактировал, и среди деятелей искусства республики — он был ее министром культуры, и друзей в Москве, которые служили вместе с ним и знали его как главного редактора газеты «Советская культура» и первого заместителя главного редактора газеты ЦК КПСС «Советская культура».

Эти люди навсегда сохранят светлую память о нем. В воспоминаниях будет жить облик деятельного, чуткого, чуть застенчивого, доброго человека, который оставался до конца честен, принципиален и постоянен в своей любви и привязанности. Человека, который так много сделал для развития советской культуры.

ГРУППА ТОВАРИЩЕЙ

ДЕНЬ ЗАКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ

Только после посещения десятка московских магазинов я понял, почему в такой чести амбарные замки. Похоже, они становятся обязательным элементом украшения входов в магазины. Архитекторы, заботясь об удобствах покупателей, проектируют двери магазинов двустворчатыми — одна для входа, вторая, естественно, для выхода. Но директора многих магазинов имеют свой взгляд на эту «вольность» архитекторов. Они «корректируют» проекты. «Дверь на две створки? Блажь!»

И идет в дело амбарный замок. И посрамлены коллективы прославленных институтов, тех, что работают над проектами магазинов. Посрамлены и строители, что трудились, навешивая две двери. А из просторного входа дверь мгновенно превращается в узкую лазейку. И наступают дни закрытых дверей, которые довольно быстро перерастают в закрытые недели, месяцы, а то и годы.

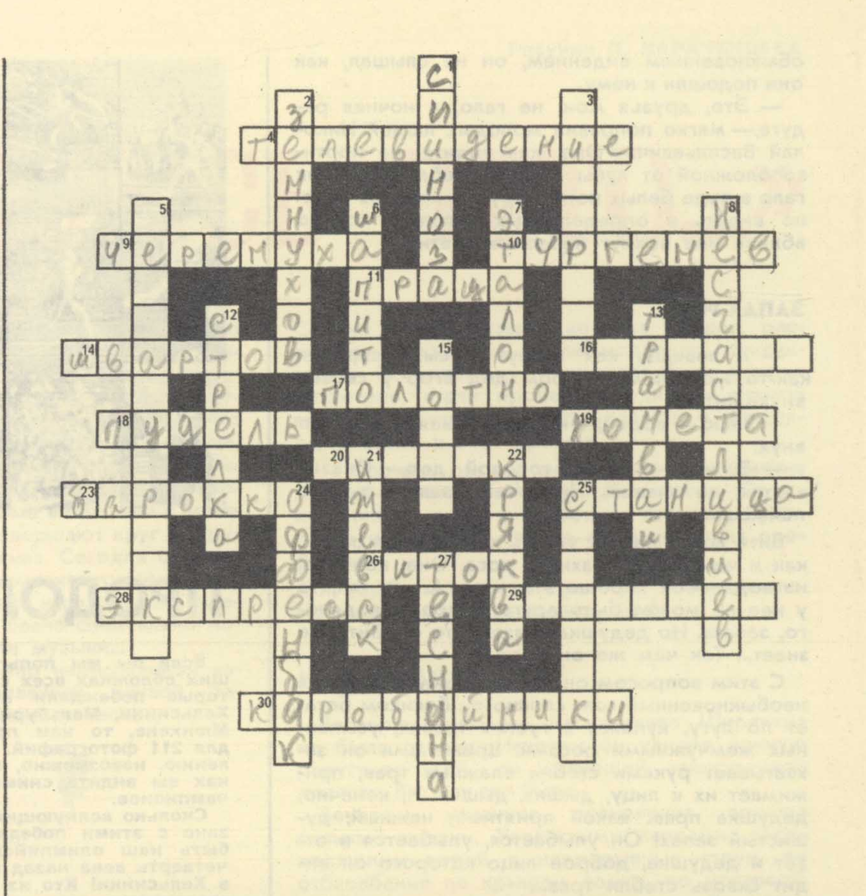
Если побываете, скажем, в булочных № 385 и № 610, около магазина «Молоко» № 7 (именно около — войти в этот магазин в часы «пик» довольно затруднительно!), что на Сущевском валу, неподалеку от Рижского вокзала,— ждет вас наглухо закрытая дверь. Даже в прежде отменно организованном магазине «Овощи» на улице Кирова не устояли перед соблазном полузакрытых дверей. Ввели это нововшество. Но еще дальше пошли «рационализаторы» из магазина № 74 Дзержинского района столицы. Тут не только работают «вполдвери» — эка невидаль! Тут умудрились забаррикадировать и вход в зал самообслуживания. Взяли и закрыли щитом. Сэкономили замок? Бывший же выход разделили на две щелочки — если очень постараться, втиснуться можно. Каково покупателям? А причем здесь покупатели? Впрочем, и это не все. Вскоре вход-выход перекрыли прилавком, на долгое время самоликвидировав самообслуживание как таковое. А началось это грубейшее нарушение правил торговли с «пустяка», с полузакрытой двери.

Впрочем, что тут удивительного. Большой беспорядок нередко начинается с маленького. И с попустительства со стороны руководителей райпищеторга.

Может, впрямь ошибаются архитекторы, а правы директора магазинов, «озамочивая» входные двери даже в часы самой оживленной торговли? Но ведь почему-то не делают этого в большинстве магазинов; во всяком случае, в лучших, таких, как московские «Гастрономы» № 1 и № 2, не делают. Избежали этого в молочном на улице Горького. Гостеприимно открыты двери «Универсамов». Значит, можно работать и нормально?

К. КОЗИН

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Передача изображения на расстояние. 9. Дерево или кустарник с белыми цветками. 10. Русский писатель. 11. Древнее метательное оружие. 14. Корабельный трос. 16. Река в Индии. 17. Льняная ткань. 18. Порода собак. 19. Небесное тело. 20. Музыкальный инструмент. 23. Архитектурный стиль XVI—XVIII веков. 25. Селение на Дону, Кубани. 26. Оборот спирали. 28. Курьерский поезд. 29. Часть мола. 30. Русская плясовая песня.

По вертикали: 1. Голландский философ XVII века. 2. Персонаж романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия». 3. Спутник планеты Сатурн. 5. Дневная бабочка. 6. Передвижной цирк. 7. Образец меры. 8. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Лес». 12. Деталь часов. 13. Городской транспорт. 15. Пресноводная рыба. 21. Столица Удмуртской АССР. 22. Птица семейства утиных. 24. Автор оперетты «Перикола». 25. Подножие колоннады. 27. Узкая глубокая долина.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали: 7. Катамаран. 8. Череповец. 9. Осень. 10. Опера. 11. Крушина. 12. Майкоп. 14. Рококо. 15. Атмосфера. 19. Комбайнер. 24. Ингода. 25. Слалом. 26. Грицько. 27. Уголь. 28. Халва. 29. «Жеребенок». 30. Висконсин.

По вертикали: 1. Стамеска. 2. Ярошенко. 3. Балобан. 4. «Разгром». 5. Деление. 6. Ремарка. 13. Патока. 14. Ракурс. 16. Сера. 17. Ингулец. 18. Фонотека. 20. Меринос. 21. Никулин. 22. Масленок. 23. Вокализ.

НА ПЕРВОЙ И ПОСЛЕДНЕЙ ОБЛОЖКАХ: чемпионы шести Олимпиад (см. стр. 29).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 28/VI — 1976 г. А 00677. Подп. к печ. 13/VII — 1976 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1791. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 2465.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ЗЕЛЕНЫЙ ПОЛДЕНЬ

Фото Бориса КУЗЬМИНА

Подмосковье. Зеленая околица, прохладные овраги возле старой деревеньки Свистухи. Мокрое лето, странное, а все равно хорошо. И утром пораньше, и в полдень, и после долгого заката — хорошо!

«Макушка лета» — так до сих пор говорят в деревне об этом прекрасном времени года. Отгрохотали неистовые соловьи, и теперь редкая кукушка перебирает свое чет-нечет, а речки среднерусских равнин давно утихомирились, вошли в берега; летом они медлительны и на диво прозрачны. Теплые стволы берез белеют на солнцепеке. Жеребята все дальше отбегают от маток. Травостой все выше, травы набрали силу, радугой цветение в лугах, а это значит, наступил сенокос...

Вот такое оно, лето красное. Если взять южнее, то сухое, пропахшее молодой полынью, хлебным духом в степи, а в серединной России оно сочное, зеленое; здесь нависают светлые дождики, а после них в лесу парко, ветер с полей пахнет пыльцою поспевающей ржи. Солнце в зените стоит долго-долго. Потому что лето, «макушка лета», пожалуй, самая прекрасная пора года. Наверное, и гроздья черемухи все темнее и слаще!

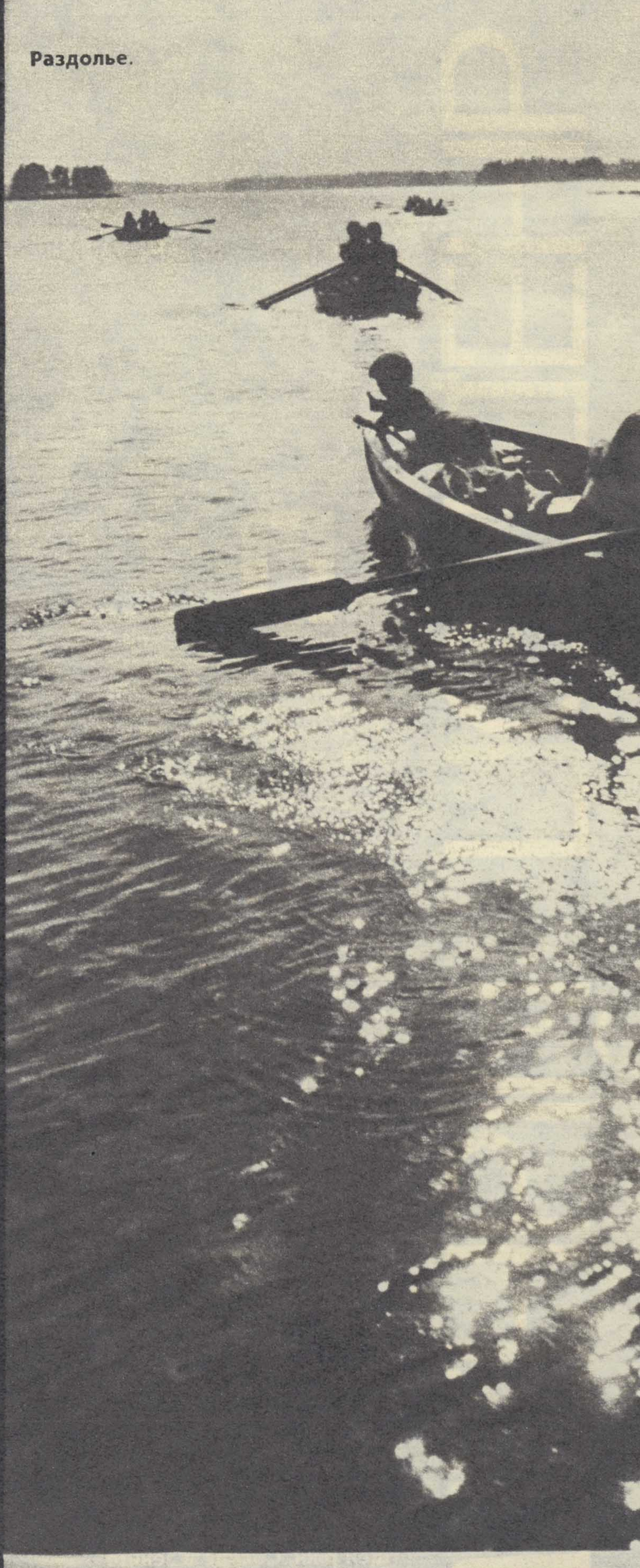
Н. БЫКОВ

Ранняя побудка.

«...Цветет родная ель».

Раздолье.

И был клев...

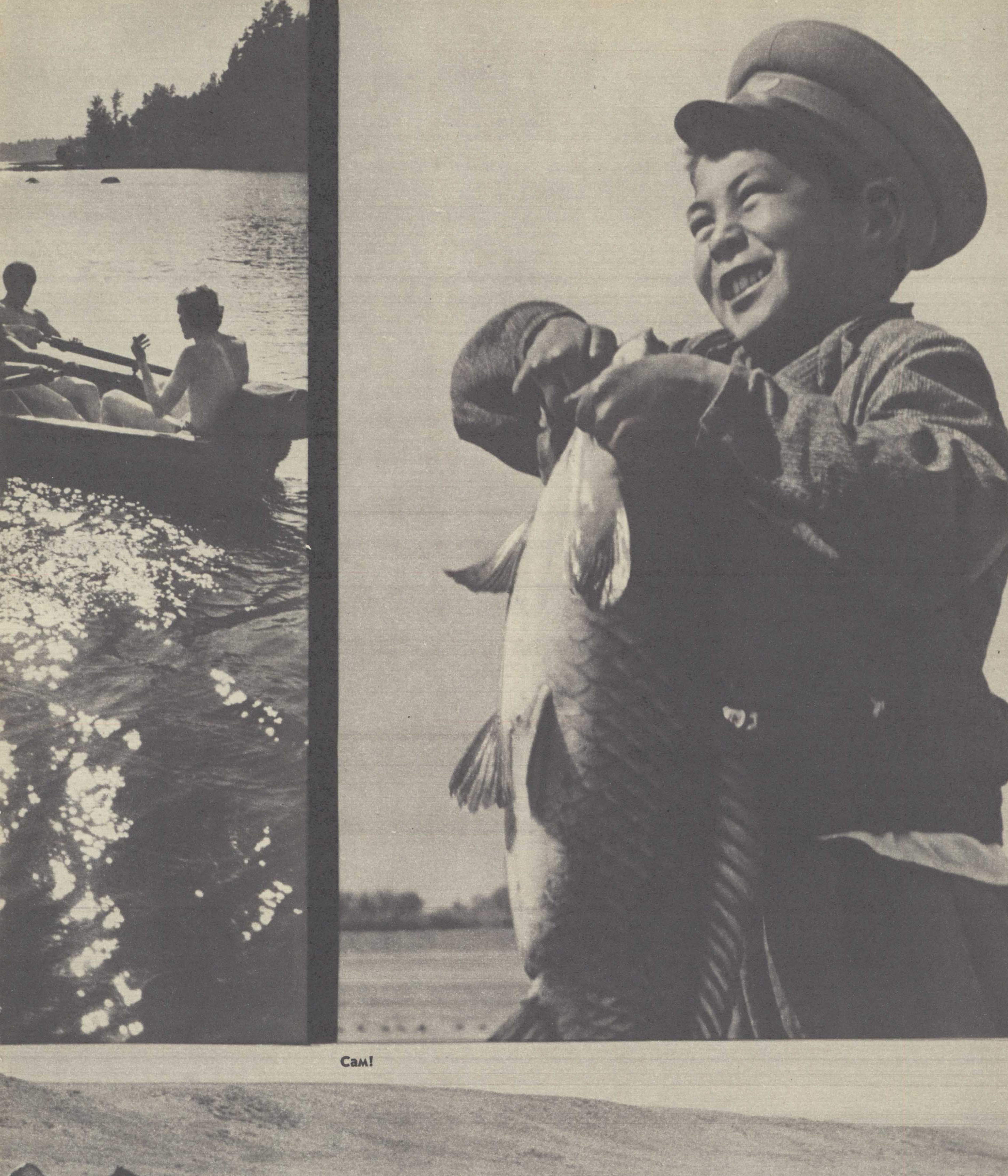
Купаться!

Дар молодого лета.

При знакомом табуне!

Сам!

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663